

А. Рябов

***Я РОЖДЕН
В СОВЕТСКОМ
СОЮЗЕ...***

**Воспоминания
воина-интернационалиста**

**Москва
2014**

*Внученьке Сашеньке
посвящаю*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В преддверии 75-летия моего рождения я решил рассказать моей единственной внучке и внучатым племянникам некоторые факты из моей жизни и, заодно, вспомнить о своих родителях, о детстве, юности, о годах военной службы, которая составила 32 года, о друзьях, товарищах, сослуживцах.

Большую часть воспоминаний составляют годы военной службы, особенно период с 1962 по 1964 годы, когда мне, старшему лейтенанту в/ч 18399, в составе полка пришлось участвовать в военно-стратегической операции «Анадырь» по выполнению интернационального долга для защиты революционных завоеваний молодой Республики Куба. В 2012 году исполнилось 50 лет этой операции.

Мне радостно отметить, что очень большое внимание этому периоду моей

А. РЯБОВ

жизни уделяет внука Саша и с интересом изучает появляющуюся информацию о тех событиях.

Итак, я предлагаю всем родственникам и друзьям вместе со мной пережить те этапы моей жизни, о которых я еще пока помню.

Я РОЖДЕН В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ...

*Мы все на Кубе побывали,
Туда нас тайно привезли.
Друзьям-кубинцам помогли
И от войны мы мир спасли...*

Родился я 11 мая 1939 года в городе Москва, в роддоме на Крестьянской заставе. Все свое детство провел в поселке Текстильщики, являвшемся тогда окраиной Москвы. После Текстильщиков был город Люблино Московской области.

Отец, Рябов Дмитрий Васильевич, 1908 года рождения, был родом из деревни Задон Донского района Московской, а потом и Тульской, области.

Мать, Рябова (Костельцева) Людмила Тимофеевна, 1913 года рождения, родилась в Петербурге в семье военного фельдшера,

участника 1-ой Мировой войны, награжденного Георгиевским крестом. После войны 1914 года мать вместе со всей своей семьей переселилась в деревню Задон, поближе к родственникам ее отца.

Отец, отслужив армию водителем бронемашин в Белорусском военном округе (командующим округом был Уборевич – хороший командир, по словам отца, репрессирован в 1937 году), приехал в Москву и устроился на работу.

В Задоне мои отец и мать знали друг друга, но сильно не дружили. В дальнейшем они как-то встретились в Москве, мама училась на Рабфаке. Но подробностей встречи я не знаю.

В 1936 году они поженились. Папа тогда уже работал токарем на заводе МАРЗ-1 (Московский Авторемонтный Завод № 1). Им дали комнату 14 м² в коммуналке в барачном двухэтажном деревянном доме в Текстильщиках. От этого завода были построены еще три таких дома. В этой комнате и родилась наша семья.

1 мая 1937 года родилась моя старшая сестра Алина, 11 мая 1939 года родился я, Александр, а потом 4 марта 1943 года – младшая сестра Валентина.

Так все вместе мы пережили тяжелые годы войны с фашистами. Были и голод, и холод, и тяжелые болезни. Я, например, перенес и воспаление легких, и стригущий лишай.

Уже когда я учился в школе, летом на каникулы меня отправляли отдыхать в деревню Моисеевку, где уже жили родители мамы, мои дедушка, бабушка, тетя Маруся и дядя Миша. У тети Маруси были два сына – Слава и Володя.

Слава, 1934 года рождения, в дни сильнейших боев под Москвой в январе 1942 года жил в Моисеевке, брату Володе было тогда 4 года. Однажды, когда фашистов прогнали из Донского района, Слава нашел на улице неразорвавшуюся гранату и стал, из любопытства, ее разбирать. Граната взорвалась в руках. Славик потерял правую руку по локоть и зрение. Такая вот трагедия войны. Когда

его вылечили, то отправили жить и учиться в интернат для слепых.

Вот во время каникул Славик приезжал домой в Моисеевку к родителям и брату Володе. Так втроем мы и проводили каникулы: помогали по хозяйству в доме, играли на улице с деревенскими ребятами, ходили на речку Бобрик купаться. Эти школьные годы остались в моей памяти самыми лучшими годами детства и юности.

В 1956 году я окончил московскую среднюю школу № 654 в Текстильщиках и поступил в Серпуховское авиатехническое училище (СВАТУСС), которое с отличием закончил в 1959 году. Отличный диплом давал право выбора дальнейшего места службы, но только из предоставленных мне округов. Мне предложили на выбор три военных округа: Московский, Ленинградский и Одесский. И я выбрал Одесский. Решил поехать поближе к морю, к теплу.

Но сначала после получения всех необходимых документов был первый офицерский отпуск, который я провел на

одном дыхании. Мы с Аллой, Вале́й и моим другом детства по Текстильщикам, Аликом Казенкиным, провели мой отпуск в Москве. Но время неумолимо приближало меня к той черте, после которой начиналась самостоятельная жизнь двадцатилетнего лейтенанта вдали от мамы, папы, сестер и всей московской жизни.

Отпуск закончился. В начале октября 1959 года я прибыл в город Одессу, в Штаб 48 Воздушной Армии Одесского Военного округа. Кадровик штаба заявил, что я поеду (уже без выбора) служить дальше в в/ч 18399 (отдельный инженерно-авиационный полк) в город Первомайск Николаевской области. Этим известием он меня просто ошарашил. Ведь в Первомайске живет семья моего родного дяди Пали Костельцева (родного брата моей мамы).

Он в 30-х годах окончил Московский Институт Стали и Сплавов и был направлен работать в Первомайск на машиностроительный завод инженером-литейщиком. У них с тетей Любой, его

женой, родилась в 1934 году дочь Тая (Таисия), моя двоюродная сестра.

Я был очень рад, что служба в Первомайске будет не такой серой и однообразной. На самом деле наша часть располагалась в 10 км от Первомайска в поселке при железнодорожной станции «Подгородная». В эту часть годом раньше поступила новая ракетная техника (фронтовые крылатые ракеты ФКР-1). До этого здесь располагался полк истребителей МИГ-15 и МИГ-17. Нам достался аэродром в хорошем состоянии, штабные, гаражные, жилые помещения для личного состава и несколько жилых двухэтажных зданий для офицерского состава (так называемые, «финские» домики).

В домах печное отопление углем, вода в колонке на улице. Горячая пища на керосинках. Но для нас, холостяков, эти трудности были приемлемы. Служба началась с изучения, освоения и практического применения на учениях новой для нас техники. В училище я изучал баллистические ракеты.

Культурный досуг заключался в посещении клуба железнодорожников станции «Подгородная» (кино и танцы по выходным). Потом мы, холостяки, стали чаще выбираться в Первомайск, особенно в сухую, теплую и летнюю погоду. Ведь осенью, зимой и весной в сырую погоду из Подгородной не выберешься. Асфальта в поселке нет, сухое место только на ж/д полотне и на станции. Остальные улицы в поселке грунтовые, а это значит, густой чернозем, который после дождя или оттаивания снега, что случалось часто, превращался в непреодолимое препятствие, чтобы добраться до станции и сесть в проходящий поезд до Первомайска. Поэтому в город вылазки в это время года были очень редки. Также в такую погоду переставал ходить единственный автобус, связывающий Подгородную с Первомайском.

Зато весной в сухую погоду и летом мы отрывались «по полной». В городе можно было гулять в парке, ходить на танцы, купаться и загорать на пляжах города, брать напрокат на лодочной станции лодку и

кататься по реке Южный Буг. Эта речка протекала через весь город и была любимым местом отдыха для жителей города и прилегающих деревень.

Приказом по части (командиром части был полковник А. И. Фролов) я был назначен начальником расчета пусковой установки для ФКР-1. Кроме меня из Серпуховского училища были направлены еще 8 офицеров. Там мы еще больше сдружились. В комнату для жилья нас поселили троих холостяков. Со мной поселился лейтенант Виктор Вялов из 1-й роты нашего училища и лейтенант Борис Отт, окончивший Тамбовское военно-техническое училище. Так втроем мы прожили около года. Потом, В. Вялов в очередном отпуске женился, приехал с женой, и ему дали отдельную комнату.

Мы остались вдвоем с Борисом. Так и прослужили вместе 4 года (3 года в Подгородной и год на Кубе). Борис был очень добрым, отзывчивым, честным человеком. Жаль, что он прожил не так много. В феврале 2012 года он умер в

возрасте 75 лет. В памяти моей он навсегда останется одним из лучших друзей в жизни.

Как только я освоился немного со службой, в первый выходной день поехал в гости к дяде Пале. Я знал адрес, где они жили. Он изредка бывал в командировках в Москве и останавливался у нас в доме. Мама иногда писала письма родному брату про житие-бытие и получала ответы на них.

Приехав в город на автобусе, я первым делом спросил у прохожих, где находится улица Урицкого, на которой жили Костельцевы. Мне сказали, что туда ходит автобус и назвали его номер. Но, так как город, по московским меркам, небольшой, я решил пройти по нему пешком и выйти на нужную улицу. Пройдя по ней до дома № 97, я пришел к адресату. Это был большой частный дом с таким же большим садовым участком. Дом утопал в зелени деревьев, кустов и огромных клумб с цветами. Оказалось, что тетя Люба заядлая цветочница.

Время было вечернее, вся семья была в сборе, каждый занимался своим делом по

дому. Никто, конечно, не ожидал такого гостя, все были шокированы в первый момент. Но затем радость, объятия, поцелуи, удивленные вопросы: как я появился в городе? Что к чему? Ну, я все рассказал, передал приветы и подарки, которые я подготовил. В дальнейшем дом дяди Пали был для меня и Бориса небольшим пристанищем, когда мы приезжали в город погулять.

Через 2 года службы, освоения новой техники и проведения полевых учений с ракетами ФКР-1 летом 1960 года полк в полном составе по железной дороге был направлен на учения в Капустин Яр для проведения боевых стрельб ракетами ФКР. Кап Яр – это учебный полигон в Казахских степях.

Подготовка и проведение боевых стрельб проходили в сложных метеоусловиях (жара днем до 35°С, песчаные сильные ветры). Личный состав полка и офицеры размещались в палатках в полевых условиях. Но все эти трудности не повлияли на успешное проведение учений.

Все стрельбы ракетами прошли с оценкой «хорошо».

Видимо, результаты этих учений и повлияли на то, что наш полк летом 1962 года был включен в состав группы войск для проведения стратегической военной операции «Анадырь». Цель операции – переброска по суше, морю и океану группировки советских войск на Кубу для защиты молодой социалистической республики от интервенции со стороны США, планируемой ЦРУ на ноябрь 1962 года.

Первые догадки о нашей командировке за пределы СССР появились летом 1962 года, когда мне предложили пойти в отпуск в июне-июле, хотя прошлые 2 года отпускали только зимой. Такие же предложения поступили и другим молодым офицерам.

По прибытии из отпуска я сразу почувствовал очень активную деятельность всего личного состава полка по повышению качества и внешнего вида боевой и автомобильной техники в полку. В первую

очередь, был проведен большой косметический и мелкий ремонт техники, затем началась перекраска автомобилей, пусковых установок, ракет. Проведена 100% замена резины автомобильной техники на новую.

Эти работы, а также прибытие новых офицеров и солдат в часть, прием на работу гражданских лиц, в основном, женщин на должности медсестер, штабных работников, поваров, были закончены к концу августа 1962 года. Вскоре командир полка собрал совещание офицерского состава и объявил о предстоящей переброске в район полигона «Капустин Яр». Вся техника должна быть готова для новых учений.

В первых числах сентября на ж/д станцию в г. Первомайске были поданы два состава платформ для погрузки техники и личного состава полка. За два дня погрузка была закончена, и два эшелона двинулись из Первомайска на восток. Штаб и женский коллектив полка были размещены в двух пассажирских вагонах, офицеры и личный состав разместились в теплушках со своими

подразделениями. В теплушках были изготовлены деревянные настилы, на которых укладывали матрацы, подушки для сна и отдыха.

Перед отъездом из Подгородной всему офицерскому составу полка было выдано денежное довольствие на три месяца вперед (сентябрь-ноябрь). Это тоже повлияло на наши догадки относительно места командировки. Если командировка в пределах Союза, то вперед может быть выдана зарплата только на сентябрь, остальные деньги мы могли получить на новом месте. В этом случае другую зарплату мы получим только за границей. Но где? Мы могли только догадываться.

В дороге прошло несколько суток. Однажды, поутру, высунувшись из вагона, мы обнаружили, что наш состав вместо направления на восток (по солнцу) движется уже в другую сторону (на северо-запад по солнцу). Мы, молодые офицеры, и солдаты сразу это заметили и стали догадываться, что местом окончания нашего маршрута может быть только

Прибалтика, а точнее, район Калининграда. О Капустином Яре можем забыть.

Примерно к 10 сентября 1962 года наш эшелон прибыл на ж/д станцию Балтийск. Началась разгрузка техники. Незадействованный личный состав и офицеры были посажены в автомобили и отправлены на территорию Военно-морской базы в Балтийске. После разгрузки техника была также доставлена на базу и размещена в помещениях. Личный состав и офицеры нашей эскадрильи были размещены в одной из казарм базы Балтийска.

С утра следующего дня наш комэска (командир эскадрильи), майор Прудников Николай Григорьевич, собрал офицеров и, в обстановке секретности, объявил, что вскоре предстоит погрузка всей нашей техники и личного состава на корабли, и мы отправимся дальше по Балтике, куда конкретно, не сказал.

Затем он сказал, что всем офицерам выдадут гражданскую одежду и обувь (костюм, две рубашки, галстук, плащ,

шляпу и полуботинки). Солдатам тоже дадут гражданку, но попроще (брюки, пиджак, две клетчатые рубашки, кепку и полуботинки). Потом офицеры вместе с комэска пошли на какие-то склады, доверху забитые гражданской одеждой и обувью. Мы стали подбирать себе все по размеру и цвету. Так мы стали «сельскохозяйственными работниками».

После обеда комэска опять собрал личный состав эскадрильи (и офицеров, и солдат) и объявил, что со следующего дня начинается погрузка нашей техники на корабли. Погрузку, крепеж техники будем вести мы, офицеры, и солдаты под руководством старпома и боцмана. Для работы на погрузке были сформированы две бригады из личного состава эскадрильи. Каждая бригада работала по 12 часов в сутки. Погрузку мы начали на сухогруз т/х «Бердянск».

Работа была трудной - как физически, так и технологически. До этого времени мы в части проводили крепежные работы нашей техники только на ж/д платформы.

Это было только два раза в Первомайске. Но здесь мы столкнулись с очень сложной системой крепления нашей техники в трюмах корабля. Это было для нас впервые, да и техника была нестандартной.

Ведь во время плавания корабль подвергается различной качке, как килевой, так и бортовой. И нельзя допустить, чтобы закрепленный груз в трюме мог сместиться в какую-нибудь сторону. Часто приходилось перезакреплять технику, и проводить двойное крепление на случай сильной качки при движении теплохода. Перед погрузкой техники в самый нижний грузовой отсек были помещены и также крепко закреплены пороховые ускорители к ракетам и другие боезаряды. Личный состав полка был размещен в верхнем из трех этажей грузовых отсеков (твиндек). Штаб, работники кухни и медперсонал разместились в каботах на палубе корабля.

В твиндеке для личного состава были сооружены деревянные нары по периметру. На одной стороне разместились офицеры,

на другой сверхсрочники, а на двух других рядовой и сержантский состав. В середине отсека соорудили деревянный стол, за которым все мы принимали пищу. В качестве постели каждому были выданы поролоновые матрац и подушка, одеяло и комплект постельного белья.

Все работы были закончены к 14 сентября. На верхней палубе были закреплены только автомобили для личного состава, автомобили командиров и контейнеры с ракетами, на которых были сделаны надписи «Авиаэкспорт». В этот день мы, переодевшись в гражданскую одежду, с чемоданами, полными офицерской форменной одеждой (шинель, повседневная и полевая одежда, рубашки, хромовые сапоги, фуражка), и рюкзаком, наполненным сухим пайком (тушенка, сгущенка, рыбные консервы, сухари, печенье, двухлитровая по объему железная консервная банка без названия, легкая по весу), разместились в «хоромах».

Что было в этой банке, я узнал попозже, когда решил ее вскрыть.

С другими молодыми офицерами мы договорились, что вскроем только одну банку, а банки у других офицеров пока вскрывать не будем. Вскрыв банку, мы обнаружили в ней сушеную вяленую воблу, упакованную вертикально по всему объему банки. Вобла оказалась отличного качества. Другие банки мы решили оставить на потом.

Вот и наступил тот самый день «Ч». 15 сентября 1962 года утром теплоход «Бердянск» вышел из порта Балтийска и взял курс на запад. За несколько суток мы прошли Балтийское море, проливы Каттегат и Скагеррак, Северное море, проливы Па-де-Кале и Ла-Манш. Весь этот путь мы находились в твиндеке, и только ночью разрешалось выходить небольшими группами наверх подышать свежим воздухом.

Кормили нас горячей пищей два раза в сутки из термосов. У каждого был котелок с крышкой (котелок для жидкой пищи и чая, крышка для второго блюда) и кружка с ложкой. В другое время питались сухим

пайком и горячим чаем. Горячую пищу готовили в походной кухне, которая стояла на верхней палубе, закрытая со всех сторон и сверху деревянными щитами с надписями «Авиаэкспорт». Только в верхнем щите было сделано отверстие для трубы кухни. Кухню разжигали в ночное время и готовили пищу, потом по термосам разносили личному составу. Для туалета использовались ведра с крышкой, регулярно освобождаемые за борт, по другой надобности разрешалось воспользоваться гальюном на корабле.

Вскоре наш «Бердянск» вышел в Атлантический океан. Весь путь от Балтики до Атлантики прошли в спокойной обстановке, море было спокойным, не было никаких трудностей, техника беспокойства не доставляла. Я как начальник пусковой установки дважды в сутки спускался на этаж ниже в шелтырдек, чтобы проверить надежность крепления установки и тягача к ней.

Как только «Бердянск» вышел в открытый океан, и берега Англии и

Франции скрылись за горизонтом, капитан теплохода и командир полка полковник А. Фролов объявили сбор офицерского состава в кают-компании корабля. Нам было прочитано распоряжение и приказ из Москвы о дальнейших действиях команды корабля и личного состава полка. Нам предписывалось пройти Атлантический океан и прибыть на остров Куба в порт Мариэль. С этого времени все мы теперь являемся сельскохозяйственными работниками и прибываем на Кубу для оказания помощи по сбору сахарного тростника и технической помощи по ремонту оборудования сахарных заводов.

Атлантический океан встретил нас во всей красоте. Волнение было незначительным, почти штиль. Вода и небо переливались всеми цветами радуги. Эта красота успокаивала душу, было радостно и легко. Не думаешь, что ждет нас там впереди, а нас впереди ждали неожиданные события.

Первая неожиданность – это встреча с морским животным миром. Первыми через

несколько часов встретились дельфины. Так близко и в таком количестве я их никогда не видел, если только в кино. Стая их появилась вдалеке, но потом они быстро пристроились рядом с кораблем и долго сопровождали нас, то выныривая из воды, то снова ныряя в пучину. Это они делали всей стаей синхронно, красиво, грациозно. Незабываемое зрелище! Потом мы еще не раз видели таких резвых зверушек.

А как-то вечером, когда было уже темно, мы с Борисом Оттом вышли из своего жилья на палубу подышать и побродить немного по кораблю и неожиданно увидели, что вдоль борта светится длинная полоска воды. Это было очень красиво. Черная морская вода, борт корабля, а вдоль него что-то светится и не перестает двигаться вместе с ним. Оказывается, это мелкая живность в океане, так называемый, планктон. В теплых водах океана он водится в огромных количествах и является кормом для некоторых рыб. Если в массу планктона попадают движущиеся предметы (лодки, корабли), то

он начинает светиться таким зеленоватым светом, это как наши светлячки в лесах.

Потом день или два (точно не помню) мы легли в дрейф, о чем нам никто из нашей команды, ни наши командиры не сказали. Только утром мы сами увидели еще один сухогруз под советским флагом, который пристроился к нам в кильватер, и так мы продолжили свой путь. Это оказался сухогруз «Индибирка», который, по моим догадкам, вышел из Мурманска или Североморска с такой же командой «сельхозработников». Только позже, уже в базе «Гранма» в бухте Кебра-Ача, где мы разместились после выгрузки из «Бердянска», мы узнали, что «Индибирка» везла на Кубу для наших ракет и для ФКР ядерные заряды в большом количестве. Он вышел из Североморска 15 сентября, как и мы. Мы должны были дожидаться его в определенной точке океана и прибыть вместе с ним в порт Мариэль.

Через несколько дней пути мы стали приближаться к тропикам, жаркому району океана. В нашей «клетке» становилось все

теплее и теплее, а затем и совсем жарко. В своем отсеке все находились раздетыми до трусов, много пили жидкости (чай, вода), ели мало, нам стали разрешать по двое-трое выходить на палубу, где нас моряки обливали из шлангов водой, чем облегчали нам жизнь. В нашем «жилище» было очень жарко днем. Металлическую палубу (она же наша крыша) регулярно поливали забортной водой, чтобы немного охладить. Ночью створки нашей крыши открывали, и тогда можно было немного поспать.

Но, в то же время, чем быстрее мы приближались к Кубе, тем чаще нас стали облетывать военные самолеты США и НАТО, а в океане на близком расстоянии дежурили военные корабли США и шли за нами в нейтральных водах. Приблизительно 1 октября наши оба судна вошли в пограничную морскую зону республики Куба, и пошли вдоль береговой линии к столице Гавана. Потом прошли мимо столичного порта дальше на запад. Все это время, пока нас облетывали самолеты США, мы были задраены в своем жилье, и был дан приказ и носа не

высовывать. Это продолжалось почти двое суток.

Утром 4 октября 1962 года наши суда пришвартовались в каком-то кубинском порту, по указаниям в секретном пакете, это, наверное, порт Мариэль. Наконец, нам всем разрешили выйти на верхнюю палубу и не прятаться ни от кого. Мы увидели, как нас радостно и громко приветствовали на пирсе кубинские матросы, докеры и другие работники порта. На всей территории порта было много вооруженных кубинских солдат, а по периметру порта на всех возвышенных местах точки зенитных четырех спаренных советских пулеметов. На этих точках тоже солдаты. Охрана порта во всеоружии.

Команда на разгрузку не поступает. На корабле «Бердянск» все молчат, никто ничего не поймет, почему не приступают к разгрузке. Только потом наш комэска сказал нам, что в Мариэле нет крана, способного разгружать нашу технику. Все краны маломощные. Придется ждать еще сутки, пока из Гаванского порта не

приведут на буксире плавучий кран большой грузоподъемности. Сухогруз «Индибирка» был перенаправлен к другому пирсу порта Мариэль, и мы о нем ничего не знали.

Вот Мариэль и стал конечной точкой нашего морского путешествия в 11 тысяч километров от берегов Прибалтики. Весь переход прошел без происшествий, весь личный состав здоров, в хорошем настроении. Братский и дружеский прием, который нам оказали кубинцы в порту, придал нам сил и хорошего морального настроения на работу по разгрузке нашей техники.

С наступлением темноты началась выгрузка техники из трюмов, приведения ее в походное положение и сведения ее в специальные колонны для проведения дальнейшего марша к месту постоянной дислокации.

Здесь в порту во время выгрузки мы впервые познакомились с простыми кубинскими рабочими, как молодыми, так и пожилыми. Кубинцы мне очень

понравились. Дружелюбные, веселые, очень контактные, они быстро, как и мы, нашли друг к другу общий язык жестов и знание некоторых английских слов. С одним из пожилых рабочих (около 50-55 лет) я даже обменялся головными уборами.

Я любил носить береты. У меня был один, я его носил во время разгрузки корабля. Он был очень похож на берет Фиделя Кастро, в котором его часто показывали на фото. Меня заметил один рабочий в широкополосной шляпе (сомбреро) и подошел ко мне. Жестами он попросил поменяться со мной головными уборами. Я, конечно, согласился. Если бы кто видел, как он был этому рад! Он смеялся, благодарил меня, глаза его просто помолодели, да и сам он был несказанно счастлив такому подарку. Его шляпа была старенькая и по окончанию разгрузочных работ после отъезда из Мариэля я с ней расстался. И потом, в течение двух последующих лет пребывания на Кубе отношения наши с кубинскими

товарищами (compañeros) оставались дружественными.

Когда вся техника была выгружена из сухогруза, поздно вечером автотехника была построена в несколько колонн и двинулась в сопровождении военных и полицейских машин к месту нашего постоянного пребывания. Потом от нашего комэска мы узнали, что это место называется залив «Кебра-Ача», а вся территория с помещениями и постройками – база «Гранма». Все это находилось на берегу залива. Здесь во времена правления диктаторского режима Ф.Батисты размещался полк его охраны и его приспешников. Казармы были построены капитально.

Здания с бетонными стенами и ломаной бетонной крышей, чтобы помещения казарм и других зданий не сильно нагревались от солнца, были переданы в распоряжение нашего полка. Командование, работники штаба, медперсонал и другие гражданские служащие разместились в двух

двухэтажных зданиях. Офицеры подразделений проживали в одноэтажных зданиях, но разделенных на комнаты. Офицеры нашей эскадрильи жили в комнате на 9 человек: 9 кроватей, 9 тумбочек и стол посередине для приема пищи и проведения различных праздничных мероприятий. Рядовой и сержантский состав размещался в одноэтажных зданиях казарменного типа. В отдельном здании размещалась кухня со столовой, а в другом штаб полка. Вся автомобильная и спецтехника находилась на открытом воздухе.

Первоочередной задачей командования и офицерского корпуса полка было скрытно спрятать спецтехнику и боевые ракеты от воздушных разведчиков США. Началась труднейшая работа по скрытному размещению техники. В тропическом лесу, который занимал значительную территорию базы, нашей тракторной техникой (бульдозером и артиллерийским гусеничным тягачом с навесным бульдозерным ножом) были прорублены небольшие просеки.

Бульдозеры врезались в густой тропический лес, деревья подрезались под корень. Упавшие деревья распиливались и вывозились из леса, срезанные пни корчевались, лианы, обвивающие деревья, обрубались на высоте 4 – 5 м. Всю эту работу проводили солдаты и офицеры вместе. После такой расчистки в лесу образовывалась ниша, окруженная вокруг лесом, а самое главное, сверху была крыша из верхушек деревьев, удерживающихся оставшимися наверху лианами. Такая маскировка позволила надежно спрятать всю технику от воздушной разведки.

Только через 30 лет после рассекречивания некоторых документов и опубликования статей участников операции «Анадырь» стало известно, что разведка США так и не узнала о существовании ракет ФКР-1 с ядерными боеголовками на территории Кубы.

Вскоре началась обычная боевая учеба в подразделениях. У меня расчет пусковой установки из 9 человек начал практическую отработку навыков для развертывания

установки на стартовой позиции, подготовки ракеты к пуску, а затем свертывания установки и быстрого покидания стартовой позиции. Все практические занятия проводились в лесу, не выезжая из укрытия.

В это время из советских газет мы стали узнавать об обострении политических отношений между СССР и США. В полку политотдел организовал несколько лекций о международном положении для офицеров полка. Коротко нам рассказали об истории жизни народа Кубы и о прошедшей в 1956-59 годах революции.

В 1952 году после военного переворота к власти на Кубе пришла военная хунта во главе с генералом Ф. Батиста. Переворот был поддержан правительством США. В стране начались репрессии против инакомыслящих и тех, кто не поддерживал политику США на острове. Батиста же был ярким проводником этой политики. В стране был установлен диктаторский режим. Но революционно настроенная молодежь,

студенты, крестьяне, недовольные политикой хунты, начали организовывать отряды сопротивления власти. Одним из организаторов сопротивления стал активный революционер, бывший студент Гаванского Университета, Фидель Кастро Рус. Он создал активную группу из своих единомышленников, куда вошли его брат Рауль Кастро, Камильо Сьенфуэгос, Арагонес Наварро и другие. Началась политическая работа с населением, особенно крестьянами, разъясняя им политику диктатора Батисты, цели и задачи революционно настроенных отрядов.

Буквально через год с небольшим, 26 июля 1953 года, группа смельчаков с оружием под руководством Ф. Кастро организовала штурм казармы солдат Батисты в Сантьяго-де-Куба, городе на юге страны. Этот день в дальнейшем будет объявлен как День Национального Восстания. Но этот штурм не привел к победе. Отряды Ф. Кастро были разбиты, оставшиеся в живых бежали в Мексику. Те

же, кто попал в плен, были осуждены и посажены в тюрьму. Среди них был и Фидель Кастро. Но он не пал духом. В тюрьме читал политическую литературу, в основном марксистскую. После ареста и суда над группой Фиделя в стране прошла волна недовольства решением властей. Боясь гнева и массовых выступлений населения, власти США подсказали Батисте выпустить Фиделя из тюрьмы досрочно и выслать из страны.

Фидель с оставшимися друзьями перебрался в Мексику, но стал еще активнее вести работу по созданию боевых отрядов из кубинцев, проживающих в Мексике и желающих продолжать бороться против режима Батисты. Вскоре к ним присоединился аргентинец Эрнесто-че Гевара, молодой человек, пожелавший участвовать в освобождении народов Латинской Америки от ига империалистов, особенно ига США. Вскоре Че Гевара стал близким другом Фиделя, Рауля и других кубинских революционеров. Через три года Фидель

Кастро со своими друзьями решили провести операцию по нелегальному возвращению на Кубу и разворачиванию партизанской войны против диктатуры Батисты. 2 декабря 1956 года отряд Кастро в количестве 82 человек на шхуне «Гранма» высадился на побережье провинции Ориента. После нескольких боев с солдатами Батисты отряд, понесший большие потери, смог прорваться в горы Сьера-Маэстро. С этого времени началась освободительная борьба отряда Фиделя Кастро.

Три года велась эта борьба. Кастро и его сподвижники сумели провести большую политическую работу среди крестьян и привлечь на свою сторону значительное количество населения. Началась партизанская война, которая завершилась освобождением столицы Гаваны от войск Батисты. Сам Батиста успел сбежать в Гватемалу и бросить страну. Революционные силы под руководством Ф. Кастро и его командиров Р. Кастро, Эрнесто Че Гевары и К. Сьенфуэгоса полностью освободили

страну от армии Батисты, и она была расформирована. Страна ликовала: полная и безусловная победа Революции. Вскоре стало ясно, что правительство США недооценило Ф. Кастро и его победителей. Началась политика национализации промышленности, возвращение земли крестьянам. В общем, начались социальные преобразования в жизни народа.

Был проведен ряд демократических преобразований в стране. Это совершенно не нравилось властям США. ЦРУ попробовала в 1961 году организовать контрреволюционный мятеж на Кубе, а в помощь недовольным властью послать отряды контрреволюционеров для высадки на остров и захвата власти.

17 апреля 1961 года такая высадка была проведена в заливе Кочинос (залив свиней). Но у ЦРУ ничего не получилось. В течение 72 часов кубинская контра была разгромлена благодаря смелости, решительности штаба Ф. Кастро. Солдат Революции и помощи советской военной

техники. В армии Вооруженных Сил Кубы уже находилось несколько советских танков Т-34. Операция ЦРУ полностью провалилась. Но власти США во главе с президентом Д.Кеннеди не оставляли возможность в ближайшем будущем повторить нападение на свободный остров.

Вскоре разведка СССР узнала, что ЦРУ готовит новую операцию по нападению на Республику Куба под названием «Мангуста». Но теперь основную роль американцы отводят своей боевой авиации. После массированной бомбардировки крупных городов должна быть проведена высадка кубинских контра с поддержкой с воздуха.

Когда Фидель Кастро и другие руководители Республики узнали от нашего руководства об этой операции, то обратились с просьбой оказать военную помощь и защитить завоевания народной революции. Советский Союз сразу согласился. Была разработана стратегическая военная операция «Анадырь». По этому плану на Кубу в

течение июля – октября 1962 года были направлены стратегические баллистические ракеты, способные с территории Кубы поразить часть США и уничтожить крупные города в южных и восточных штатах.

Наш полк оказался частичкой такой операции. Кроме РВСН на Кубе были размещены ракетные комплексы противовоздушной обороны для защиты воздушного пространства острова Кубы. Также были доставлены сухопутные войска, полки авиации, полки береговой морской артиллерии и ракетные полки «Сопка». В общей сложности на Кубе было размещено около 42 тысяч советских войск, готовых плечом к плечу с кубинской армией защищать свободу революционного народа.

Нашему полку была поставлена задача, развернуть позиции для ФКР на северном направлении в сторону военно-морской базы США во Флориде (база Ки-Уэст) для отражения возможного морского десанта на крупных судах.

Вскоре отношения между США и СССР стали обостряться все больше. Причиной этого явилось сообщение в газетах США о наличии на Кубе наступательных ракет. Там же были опубликованы фотографии стартовых позиций ракет с установленными для старта ракетами. Была опубликована карта США с границами зоны поражения ее территории. В прессе началась атака на Советский Союз, обвинения в агрессии и начале войны с США. Население южных штатов в панике стало бросать свои жилища и бежать на север. Правительство и президента Кеннеди завалили письмами с требованием немедленно принять меры по устранению такого положения в стране и срочно пойти на переговоры с СССР.

В связи с такой ситуацией наш полк получил приказ о повышении боеготовности и приведении в такую готовность всей техники и личного состава. В таком режиме мы прожили около двух недель, пока не получили приказ о снятии повышенной готовности и переводе всех подразделений полка в обычный режим службы. Это случилось после того, как

27 октября 1962 года президент США и руководитель Советского Союза обменялись письмами, в которых договорились прекратить нагнетание военной обстановки вокруг Кубы. Руководители двух держав решили: США снимает блокаду острова, выводит ракеты из Турции, Италии и дает обещание в будущем прекратить пытаться нападать на Республику Куба; СССР выводит баллистические ракеты и другое наступательное оружие.

Наши ракеты ФКР-1 не относились к наступательному оружию, и поэтому наш полк не подлежал выводу на Родину. Вскоре было принято решение организовать на базе нашего полка школу по обучению кубинских военнослужащих на советскую технику. Нам надлежало первым начать такое обучение на ракеты ФКР.

В течение следующего года предстояло обучить личный состав кубинского полка и передать технику для дальнейшей эксплуатации. Началась кропотливая работа всего личного состава полка по

подготовке к процессу обучения. Нужно было разработать программу обучения (теоретическая подготовка, практическая отработка навыков кубинских солдат и офицеров при эксплуатации такой новой и сложной техники) и полностью ее выполнить в установленный в дальнейшем срок.

Очень большую работу провело руководство Вооруженных Сил Кубы по подбору офицерского состава для полка ФКР. На должности офицеров-инженеров и техников был проведен поиск по всей Кубе из военных учебных заведений, а также из гражданских институтов и университетов достойных и преданных делу Революции студентов и другую молодежь. На должности рядового и сержантского состава подбирались более или менее грамотные молодые люди в возрасте от 15 до 20 лет, служившие в настоящее время в армии Кубы.

Подбор специалистов проводился и на другую советскую технику, оставленную после кризиса на Кубе. Это были танки,

артиллерия, зенитно-пушечная техника, зенитные управляемые ракеты с комплексом техники, истребительная авиация, механизированные войска, пограничные военно-морские силы с ракетными катерами и другая техника.

После снятия кризисной ситуации на Кубе в нашем полку произошли некоторые кадровые изменения. Были демобилизованы и вернулись в Советский Союз солдаты, переслужившие и отслужившие срок в Советской Армии. Также была проведена замена некоторых офицеров, которые по состоянию здоровья или другим причинам возвратились на Родину. На их должности были назначены офицеры из других авиационных частей, размещенных на Кубе. Некоторые должности были сокращены и полк немного поредел.

Среди таких офицеров, вернувшихся в Союз, были мои два друга еще по Первомайску. Дмитрий Смирнов продолжил службу в военной приемке в Москве, а Борис Отт по состоянию здоровья

уволился из рядов Советской Армии и обосновался со своей семьей (с женой Татьяной и дочерью) в Краснодаре. В дальнейшем он получил квартиру и устроился работать мотористом на нефтеналивной танкер в Новороссийске.

Ну а в полку началась новая учебная работа с изменившимся составом. Мне пришлось вновь начать обучение новых солдат, пришедших на замену уволенным. Началась обыденная служба: работа на технике, совершенствование в техническом обслуживании, спланирование расчета установки и сокращение сроков подготовки техники к старту, доведение всех действий боевого расчета до автоматизма. Нужно было показать кубинским солдатам в дальнейшем быстроту действий боевого расчета советских солдат на этой технике, чтобы к этому стремились и солдаты Кубинской армии.

До начала работы учебного центра было еще несколько месяцев, и в течение этого времени появилась возможность иногда выезжать в близлежащие города на

экскурсии для ознакомления с достопримечательностями. Мы посещали города Мариэль, Гуанахай, Артемиса и Гавана. Однажды, приехав в Гавану на автобусе, мы пошли пешком погулять по улицам, посмотреть, как живут кубинцы в столице, полюбоваться памятниками старины и новыми памятниками.

Везде на улицах нас приветствовали радостно и шумно. И молодежь, и пожилые кубинцы, и старички доброжелательно отнеслись к нам, а мы к ним. На улицах было много баров и кафе, и крупных, и маленьких. Все это частная собственность.

Рябов Дмитрий Васильевич (1930)

*Костельцева Людмила Тимофеевна
(1931)*

Маленький Сашок (2 года)

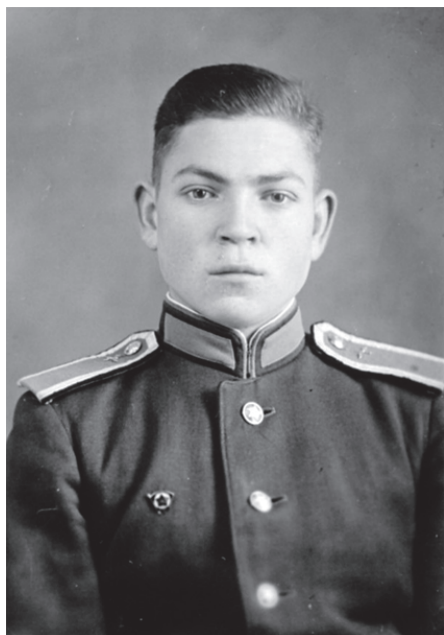
*Семья Рябовых: папа, сестра Валентина,
мама, сестра Алина и я (1959)*

Я и Алик Казенкин (1946)

Они же спустя 50 лет

Курсант Рябов (1957)

Первое офицерское звание (1959)

Володя Мызников (в школьные годы)

В компании брата Володи, Саши Чухрова и друзей на Бобрик-Горе (1958)

Я с дядей Палей (Первомайск, 1960)

Тетья Люба с внучкой (Первомайск, 1960)

*С сестрой Аллой и двоюродной сестрой Аечкой
(1961)*

С Борисом Оттом (Первомайск, 1961)

Встреча с братом Володи (Москва, 1961)

*Встреча с Сашей Чухровым
(Москва, 1961)*

*Фидель Кастро и Камило Сьенфуэгос
(Гаванна, военный городок «Колумбия», 1959)*

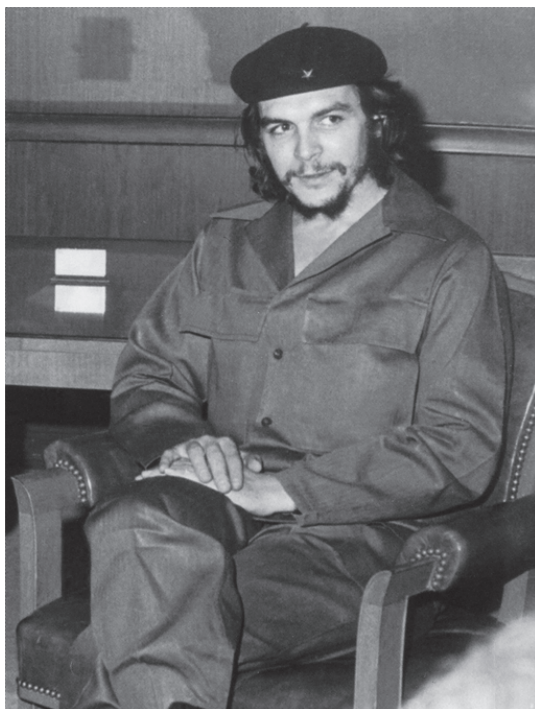
*Фидель Кастро с кубинской молодежью
(1962)*

Рауль Кастро (1959)

*Выступает Президент Республики Куба -
Освальдо Дортикос Торрадо (начало 1960-х)*

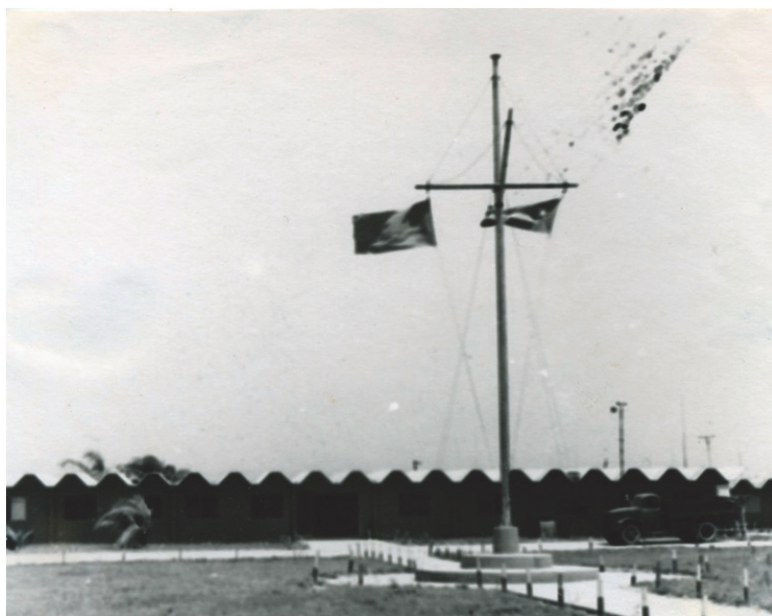
*Эрнесто Че Гевара - директор
Национального банка Кубы (1960)*

Эрнесто Че Гевара и Анастас Микоян (1960)

*Территория нашей части
(Куба, бухта Кебра-Ача, база Гранма, 1963)*

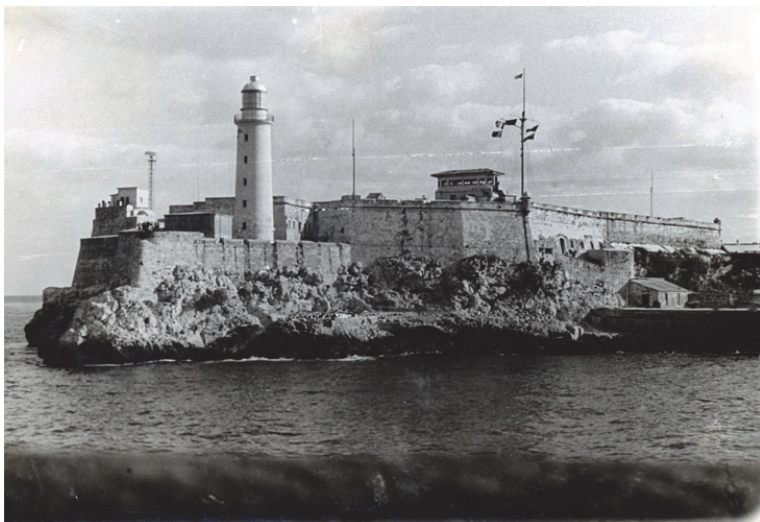
*Здание штаба части, на флагштоке знамена
СССР и Кубы (1963)*

*Центральная площадь имени Хосе Марти в
Гаване (1963)*

Военно-морская академия (Мариэль, 1963)

Крепость Моро Каastle перед входом в Гаванскую бухту (1963)

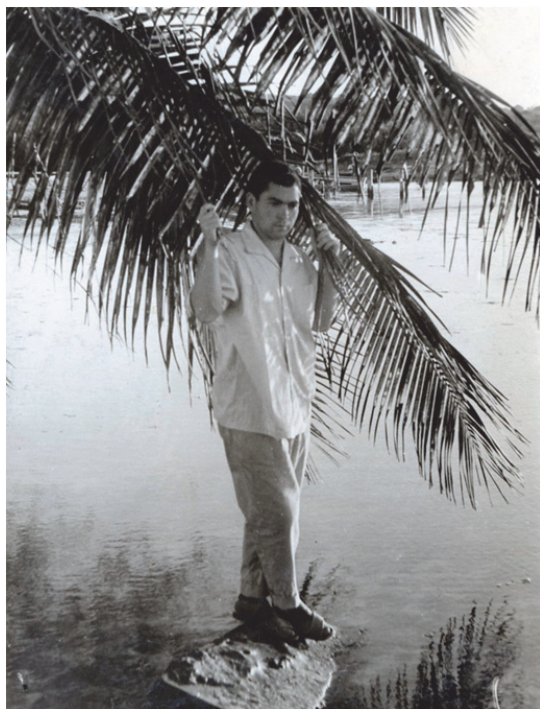
«Лунная дорожка» днем (Атлантика, 1963)

*Личный состав эскадрильи на экскурсии по
Гаване (1963)*

*С ученицами школы-интерната
(Гавана, 1963)*

*Держась за пальму, в мыслях о Родине
(база Гранма, 1963)*

*Рассматриваем диковинку из Мексиканского
залива (база Гранма, 1963)*

Около одного кафе мы, а нас было человек 5-6, остановились. Решили немного выпить, попробовать кубинского рома. Рядом, у барной стойки, стояли двое пожилых кубинцев, потягивали какую-то жидкость и оживленно беседовали друг с другом. Мы попросили налить рома, а запить попросили кока-колу, которая продавалась везде. Хозяин налил каждому из нас в стаканчики грамм по 50 рома и хотел туда же налить, взяв из холодильника бутылку, кока-колы. Но мы вовремя его остановили и жестами показали, чтобы он долил еще по 50 грамм рома, а потом попросили отдельно налить кока-колы со льдом. Дружно чокнувшись стаканчиками, мы залпом выпили ром, и запили немного колой.

Нам показалось мало, и мы попросили налить еще рому по 100 грамм. Еще выпили и закусили только колой. Наблюдая за нашими действиями, стоящие рядом кубинцы перестали пить и разговаривать, и молча стали следить за нами. Мы, закончив выпивку, пошли дальше. Через несколько шагов мы заметили, что сзади за нами шли

те двое кубинцев. Мы остановились и решили узнать, зачем они идут за нами. К этому времени мы уже немного знали испанские слова, особенно обиходные, разговорные.

Объяснившись с ними, мы узнали, что кубинцы шли за нами, чтобы увидеть, когда мы упадем пьяными. Мы рассмеялись от этого. Оказывается, сами кубинцы ром не пьют чистым, а только в коктейле с кока-колой и льдом. Это мы и видели, когда подошли к тому кафе, где двое кубинцев пили смесь рома с кока-колой и льдом. Мы долго смеялись, обсуждая это событие.

Кофе, как мы заметили, кубинцы пьют небольшими чашечками грамм по 50, но очень густой и крепкий. Кофе смальвается здесь же на глазах у посетителей из зерен, тут же варится в кофеварке и разливается посетителям. Вместе с кофе подается вода со льдом. Пьют кофе маленькими глотками, тут же запивая холодной водой. Мы же все это пьем по-другому. Придется привыкать и учиться пить кофе по-кубински.

В другом кафе мы также решили немного выпить и стали жестами объяснять, что мы хотим. Хозяин, уже пожилой кубинец, вдруг заулыбался и на чистом русском языке спросил нас, чего мы хотим. Мы были шокированы таким ходом события. Тут же стали интересоваться, откуда он так хорошо знает наш язык.

Он рассказал, что в 1917 году его родители покинули Россию, уехав сначала во Францию, а затем, перед Второй Мировой войной перебрались на Кубу, там и осели. Хозяину было в то время около 10 лет. На Кубе его семья приобрела небольшой домик в Гаване и при нем открыла кафе. Так и живет наш соотечественник, имея уже свою семью. Нам было очень приятно побеседовать с этим русским кубинцем. Он сказал, что на Кубе живет довольно много русских эмигрантов.

Поездка в Гавану нам понравилась. Мы увидели много красивых старых и современных зданий и памятников. В

дальнейшем я часто фотографировал Гаванские красоты.

В свободное от службы время (один выходной) мы отдыхали на берегу залива, купались, ловили рыбу и лангустов. Подводный мир в заливе очень богат различной живностью. Там живут: морской окунь, мурены, барракуды, коралловые рыбы, небольшие акулы и множество разновидностей небольших рыб очень красивых, красочных, разноцветных.

Около берега, в коралловых рифах, живут лангусты, крабы и морские ежи. Морские ежи живут большими семьями, колониями. У них ядовитые и хрупкие длинные иголки. Если случайно уколешься такими иголками, и они вдобавок еще и сломаются, частично оставшись под кожей, то придется долго поболеть, пока доктор не вынет все кусочки этих иголок. Поэтому, когда заходишь в воду, зорко осматривай дно и выбирай место, куда ступать ногами. На ногах обязательно должна быть какая-то обувь.

Из всех видов рыб и ракообразных самыми вкусными являются окуни (в жареном, пареном и в виде ухи) и лангусты в жареном и вареном виде. Вкус у лангустов очень похож на крабовое мясо. Сами лангусты бывают больших размеров. Так называемая, «раковая шейка» бывает до 600 грамм (самая мясная часть лангуста).

Большое внимание в полку было уделено развитию спорта среди личного состава. Стали проводиться спортивные соревнования по легкой атлетике (бег на 3 и 5 км, метание гранаты), упражнения на спортивных снарядах, соревнования по игровым видам спорта. В подразделениях стали быстро создаваться команды по волейболу, баскетболу, мини-футболу и ручному мячу.

Соревнования проводились на первенство части между подразделениями. Через некоторое время отдельные команды из полка принимали участие в дружеских соревнованиях с командами других частей, также оставшихся на Кубе. В таком режиме

наш полк прожил на Кубе несколько месяцев.

В январе 1963 года наш комэска сообщил, что скоро начнется процесс по обучению кубинских военнослужащих.

А в сентябре 1963 года, нам объявили, что получено разрешение на предоставление отпусков в Союз для наиболее отличившихся офицеров и для тех, у кого на Родине есть семейные проблемы. Я написал рапорт о предоставлении мне отпуска по болезни матери (об этом она мне сообщала в письмах).

Мне было разрешено, и я получил отпуск на целых 45 суток (с 30 сентября по 14 ноября). Вместе с отпускным билетом мне вручили, так называемые сертификаты, на которые по ценам доллара в Союзе можно приобрести на сэкономленные песо дефицитные бытовые товары. Когда мы прибыли на Кубу в октябре 1962 года, офицерам стали выплачивать денежное довольствие в кубинской валюте (песо) в размере 120 песо в месяц. На эти деньги мы

могли покупать товары и продукты на Кубе. Потом я стал экономить и не тратить много песо на покупки. Эти деньги пошли на оплату сертификатов. Домой я приобрел для родителей холодильник, ковер и трое часов (для папы, мамы и Аллы). Вале я купил в Гаване швейцарские красивые часы с прозрачной задней крышкой.

29 сентября группа офицеров, убывающих в отпуск, на автобусе была доставлена в Гаванский аэропорт им. Х. Марти, где нам были бесплатно выданы билеты на советский лайнер ТУ-114, который совсем недавно стал совершать регулярные беспосадочные полеты из Москвы в Гавану. С собой в чемодане я вез подарки и гостинцы для родных и друзей. Домой привез пару бутылок рома, несколько бутылочек кока-колы, так как в Москве и вообще в Союзе этот напиток не продавался.

Полет прошел благополучно. В салоне самолета пассажиров было всего 50 человек. Все они были офицерами Советской Армии, летевшими также в

отпуск. Полет проходил все время над океаном. Где-то в северных широтах около Исландии мы в иллюминаторы увидели северное сияние. Это очень красивое зрелище! Разноцветные сполохи света переливались на горизонте и потом быстро исчезли из вида. Кормили в самолете отлично. В обед подали 3 блюда: холодная закуска и 2 блюда горячего. Кроме того, на удивление, нам предложили алкоголь на выбор (рюмочка водки, рюмочка коньяка и вино). Потом, видно, зная, что за пассажиры летят в Москву, нам разрешили употребить весь этот алкоголь с закуской. Мы были очень благодарны стюардессам за такую заботу о нас. Мы даже поспали несколько часов.

Через 12 часов полета мы совершили посадку в Мурманске на одном из военных аэродромов. Нам сказали, что как только нас дозаправят топливом, мы вылетим в Москву. Выходить из самолета никому не разрешили. Так мы и прождали дозаправку в своих креслах. В иллюминатор было видно, как взлетают и садятся военные самолеты. Видно шла обычная работа

летнего состава. Часа через четыре нам объявили, что мы взлетаем и берем курс на Москву.

Через 2 часа полета мы приземлились во Внуково. Всех пассажиров посадили вместе с багажом в автобус и отвезли в какую-то военную организацию, где всем выдали проездные документы. К месту проведения отпуска и обратно до Москвы. Удостоверение личности офицера мне было выдано при посадке в самолет в Гаване. Таким образом, в самолете мы летели как обычные офицеры Советской Армии. Мне, как москвичу, сказали, что к окончанию срока отпуска нужно будет позвонить по указанному номеру и уточнить день отправки самолета в Гавану.

Весь отпуск я проводил в Москве. Вместе с сестрами, Юрой, мужем Аллы, и с Аликом Казенкиным я ходил в кино, театры, ну и, конечно, в некоторые рестораны. Отпуск пролетел мгновенно. Мне предстояло по просьбе ребят из эскадрильи купить им фотоаппараты с большим количеством фотоматериалов

(фотопленка, фотобумага, проявители, закрепители), фотобачок и портативный фотоувеличитель. Ребятам, молодым офицерам, хотелось на память о Кубе сделать альбом фотографий каждому своим фотоаппаратом. Я не помню, сколько я купил фотоаппаратов и различных материалов, но помню одно, что все это разместилось в двух больших чемоданах. Кроме этого, ожидая, что новый 1964 год придется отмечать в кругу своих сослуживцев на Кубе, решил купить небольшую искусственную елочку с игрушками для празднования Нового Года.

Отпуск пролетел, и подошло время позвонить военным по тому «секретному» номеру телефона. И тут я получаю ответ, что ближайших рейсов самолетом для нас не будет. Поэтому предписывалось прибыть по указанному адресу в Москве в военную организацию, занимающуюся отправкой военных на Кубу. Там мне продлили очередной отпуск почти на месяц (до 7 декабря) и выдали проездные документы до Ленинграда, а там прибыть на пассажирский теплоход «Вацлав

Воровский», который должен отплыть на Кубу 7 декабря. К предстоящему новому году я закупил немного столичной водочки и шампанского. 6 декабря поездом я уехал в Ленинград и утром 7 декабря сразу отправился в Ленинградский порт. Там решил все вопросы по обустройству на теплоходе «В. Воровский».

У меня оставалось еще много времени до отхода теплохода. Выход из порта намечался на позднее вечернее время (точно не помню). У меня появилось свободное время, и я решил побродить по Ленинграду, сфотографировать известные исторические памятники и посетить некоторые исторические музеи. В Ленинграде я был впервые, и поэтому многое хотелось увидеть и запомнить. Я в этот день посетил Петропавловскую крепость, Исаакиевский собор, легендарную «Аврору», музей Петра I.

На теплоход я прибыл вовремя. Нас разместили в комфортных каютах на двоих. Кроме нас, офицеров, возвращавшихся из отпусков, пассажирами теплохода была

большая группа женщин, которые плыли на Кубу к своим мужьям, закончившим высшие учебные заведения в Союзе и вернувшимся к себе на Родину. Жены добирались позже, окончив учебу в ВУЗах Союза.

Да, «Вацлав Воровский» - это Вам не «Бердянск»! Вместо трюма комфортные каюты, столовая, танцевальный зал, бар и все такое, необходимое для туристов. Теплоход был построен в Финляндии по заказу СССР. Гулять по палубе можно было целый день до 23 часов. В Атлантике нас стали облетывать самолеты НАТО, а когда подошли к Багамам, то и самолеты США. Я смог сфотографировать один из них, это фото в моем кубинском альбоме. Но было не страшно. Шла обычная мирная жизнь. За время похода я познакомился с некоторыми офицерами и женами кубинских мужей. Офицеры возвращались в свои части в разные гарнизоны. С ними я больше не встречался. Но зато запомнил одного из них. У него был транзисторный приемник карманного размера «Грюндик» или «Сони», не помню. Но этот «малыш»

мог принимать радиостанции всего мира, да с отличным звуком.

Через 2 недели теплоход пришел в Гавану. С одной из женщин я договорился побывать в их семье в Гаване и посмотреть, как они живут. Она дала мне свой адрес, и мы расстались. Мой отпуск неожиданно был продлен до 23 декабря. На теплоходе я жил, как турист на круизе. Так что весь мой отпуск в 1963 году составил почти 3 месяца (с 30 сентября по 23 декабря). Такого, я думаю, больше не будет.

В эскадрилье меня давно ждут. Ну, как же, Новый год на носу, а меня нет. Ребятам моим нужны были в первую очередь фотоаппараты, а уже потом все остальное. Моему прибытию ужасно все обрадовались. Началась подготовка к празднику. За фотоаппараты офицеры мне вернули деньги в песо, на которые я еще долго прожил, а зарплата за январь пошла на хранение в финчасть.

Закупили выпивки, в основном, спирт, он на Кубе очень дешевый, 1 песо за литровую бутылку, продается он в аптеках

как лекарство (растирание открытых мест на теле от mosкитов – лицо и руки). Из этого спирта мы научились делать отличный коктейль под названием «тропическая ночь». Его состав очень прост: на 1 л спирта берется 1 литр кока-колы, и в смесь выдавливается (по вкусу) сок из нескольких лимонов. Разливается эта смесь в стаканы каждому и кладется кубик льда. От колы цвет коктейля становится темным, отсюда и его название. В качестве закуски мы приготовили много рыбных и лангустовых блюд, были открыты запасы сухих пайков (тушенка, вобла, сухари, печенье), хлеб был взят в столовой. К вобле мы купили много кубинского пива «Сервесе». Мне оно очень нравилось – такое плотное, крепенькое (примерно 6%) и остренькое, хорошая цена, долго сохраняющееся. Ну, конечно, не обошли стороной ром, «столичную» и шампанское.

Все это было в достаточном количестве на 2 празднования Нового года: сначала мы отмечали его в 16:00 по местному времени (в Москве 24:00), а затем в 24:00 по местному Новому году.

Отпраздновали прекрасно, все были довольны, на душе радостно. Много пели наших песен под гитару. Установили мою елочку с игрушками и гольшом по пояс фотографировались рядом с ней. В комнате, несмотря на самодельные вентиляторы, было довольно жарко, дверь и окна были открыты настежь. Особенно жарко было днем. После небольшого застолья все гурьбой пошли купаться в залив. Благо вода была очень теплой (25 °С).

После небольшого отдыха снова подготовка к следующей дате – Новый год по местному времени. Конечно, ночью все было замечательно, прохладней за столом. Опять тосты, песни. Одна была сочинена кем-то из офицеров про наш переход через океан. Конечно, опять купанье, но уже ночью. Вода в заливе была довольно теплой (20-22 °С). Об этом празднике вспоминаю всегда с радостью. Вспоминаются мои друзья-офицеры, Валентин Колесников, Гоша Жданов, Миша Шугаев, Виталий Коваленко, Виктор Прохоров и другие. Память на всю жизнь.

После праздников пришли будни. Комэска Н. Прудников собрал офицеров и объявил, что командование Вооруженных Сил Кубы сформировало полк для обучения ФКР по нашим штатам. Необходимо разработать программы обучения для офицеров-кубинцев в объеме среднего технического образования, а для солдат в объеме средней школы (они, в основном, были из сельской местности и малообразованны). В помощь обучению для кубинцев были открыты трехмесячные курсы русского языка для подготовки переводчиков.

Мне, лично, пришлось прочитать за несколько часов теоретический курс физики и электротехники. Кубинским солдатам, у которых за плечами 4-5 классов образования и которым было по 15-16 лет отроду, пришлось очень скрупулезно, почти на пальцах и по рисункам разжевывать законы физики, математики, механики, электротехники. В дальнейшем основу обучения составляло изучение конструкции ракеты, порохового ускорителя и пусковой установки с тягачом.

Затем отрабатывалось участие солдат в боевом расчете, обязанности каждого номера расчета (всего 9 номеров) по выдвиганию установки на техническую позицию, погрузки ракеты на установку и покидания тех позиции. В дальнейшем отрабатывались действия боевого расчета по прибытию установки на стартовую позицию, подготовка установки и ракеты к старту, а затем в обратном порядке: сворачивание установки и покидание стартовой позиции.

Программа обучения предусматривала длительность в 5-6 месяцев. Вспоминаю, как тяжело физически приходилось кубинским солдатам осваивать нашу технику. Пусковая установка напичкана различными ручными механизмами (домкраты, лебедки, тяжелые рамы). Все это предусматривало значительные физические усилия солдат. Кубинские солдаты физически были недостаточно крепкими. Очень быстро уставали и не могли уложиться во временной интервал при работе с установкой. После нескольких дней обучения кубинцы сильно похудели.

Им перестало хватать еды по нормам питания, действующим в Кубинской Армии. Мы стали замечать, что многие солдаты приходили в нашу столовую, и их немного подкармливали.

Пришлось нашему командованию обратиться к руководству Кубинской Армии с просьбой пересмотреть нормы питания хотя бы для солдат нашего учебного центра. Продукты с наших складов были частично выданы кубинцам для приготовления каш, макарон, побольше мяса и черного хлеба. После этого курсантики наши повеселели, набрали массу тела и стали более крепкими физически.

Основная задача перед боевым расчетом установки стояла в достижении четкой слаженности и быстроты в действиях расчета. Начальником расчета пусковой установки (ПУ) от кубинцев был назначен студент третьего курса Гаванского Университета. Ему было присвоено офицерское звание. Его звали Луис Франко Парреяда, возраст около 20 лет. Общительность и доброжелательность

позволили быстро наладить контакт и ускорить обучение как его самого, так и его расчета. Учеба шла довольно успешно. К маю 1964 года программа обучения была выполнена.

Но наша служба на этом не заканчивалась. В полку как в боевой единице шли дежурства, караулы по охране боевой техники и охрана зданий и территорий базы. Кроме этого был введен график по несению офицерами полка патрульной службы в Гаване. В это время в Гаване еще было много советских подразделений. В этой спокойной и мирной службе начинают проявляться случаи самоволок и пьянства советских солдат. Необходимо было усилить комендантскую службу в Гаване. Из нашего полка по графику регулярно выезжали офицеры на патрулирование определенных улиц и районов Гаваны. И однажды мне пришлось нести такую службу. Вернусь в своем повествовании назад.

С декабря 1962 года была разрешена переписка с Родиной. Я часто

переписывался с родителями, сестрами и друзьями. Иногда писал письма и получал ответ от двоюродного брата Володи Мызникова, который жил в деревне Моисеевка. И вот в одном из последних писем он сообщает мне, что наш общий друг детства Саша Чухров (тоже из Моисеевки) после окончания Московского Автодорожного Института в конце 1963 года получил направление на работу на Кубу. Из Гаваны Саша сообщил Володе, что он работает на крупном авторемонтной заводе, где-то в районе морского порта. Володя об этом мне сообщил в письме.

Вскоре по графику мне пришлось выехать на патрулирование в Гавану. Мне был выделен автомобиль ГАЗ-69А с двумя солдатами, вооруженными автоматами АК. Я получил пистолет ПМ. Как обычно, мы были одеты по гражданке. Водитель был без оружия. Пистолет с обоймой я завернул в платок и убрал в карман брюк, а автоматы были спрятаны в машине под сиденьями.

В комендатуре Гаваны я со своими солдатами прошел инструктаж, получил

спецпропуск, по которому мне разрешалось заходить во все бары, рестораны, публичные дома (они пока еще оставались после революции) и другие общественные заведения. Пропуск был на двух языках и подписан двумя комендантами Гаваны. Как я сейчас вспоминаю, моему патрулю был выделен район порта и некоторые районы Старой Гаваны. Задерживать можно было советских граждан, проверять документы и задерживать подвыпивших, пьяных и без документов. У наших солдат и офицеров на Кубе никаких документов не было, поэтому мне было легко задерживать подозреваемых. Дальше комендатура разберется, кто есть кто. Кроме всего, нашим солдатам увольнения были запрещены. Время патрулирования – начало в 14:00, окончание в 2:00 ночи.

В первую очередь я решил отыскать друга Сашу Чухрова. Мы поехали в порт и стали расспрашивать полицейских, где находится авторемонтный завод с советскими специалистами. Мне показали, как туда проехать. Вскоре мы нашли этот завод. Огромные ворота завода были

открыты, внутри был слышен шум работающего оборудования и двигателей автомобилей. Перед воротами стояли несколько советских автомобилей. Я оставил ребят с машиной недалеко от ворот, а сам пошел внутрь. Здание оказалось огромным цехом, в котором находились советские грузовики ЗИЛы и ГАЗы. По цеху сновали рабочие и служащие. Слышна была кубинская и русская речь. Я подошел к одному рабочему, по-моему, это был русский. Я не ошибся. Спросил его, нет ли среди рабочих и инженеров Чухрова Александра Николаевича. Оказалось, такой человек здесь работает. Я попросил его найти Сашу и сказать, что его ждут у ворот.

Вскоре он ко мне подошел, сам Сашок Чухров, с которым я не виделся с 1959 года, когда я, Володя Мызников и он сам встречались в Москве (Володя служил в Кремле срочную, я был в отпуске после выпуска из Училища, а Саша учился в институте). Мы с Сашкой были несказанно рады такой встрече. Я быстренько сказал ему, чем я сейчас занят. Он все понял,

побежал к начальнику, отпросился с работы и на моем авто мы поехали к нему домой посмотреть, как живут наши специалисты на Кубе.

Жил он в новом районе «Аламар» в пригороде Гаваны. Это был район для советских специалистов, работающих в Гаване. Домик, в котором Саша жил вдвоем с товарищем из института, типа коттедж, был комфортным, одноэтажным, со всеми удобствами (кондиционером, холодильником, кухней и мебелью). В доме было просторно, в общем, лучше, чем наши условия. Жизнь у них была свободней. После работы они могли спокойно путешествовать по Гаване и пригороду.

Мы посидели, перекусили немного, покормили наших ребят, и я покинул этот райский уголок, ведь служба – есть служба. Эта встреча запомнилась мне на всю жизнь. О ней и А. Чухров тепло говорил в своей биографической книге «От околицы до заграницы».

Наше дежурство подходило к концу, когда на одной из улиц я заметил

шатающегося человека в клетчатой рубашке. Увидев советский «Газик», молодой человек побежал в нашу сторону, что-то крича по-русски. Мы остановились. Он подбежал к машине и попросил подвезти его, указав адрес. Он качался, от него сильно пахло перегаром, документов никаких не было. Ну, мы, конечно, помогли ему залезть в машину и отвезли, куда следует. Он так ничего и не понял. Возвратив в комендатуру пропуск, мы благополучно вернулись в полк поздно ночью.

В феврале и марте прошли еще два праздничных мероприятия. 23 февраля в день Советской Армии в Доме Офицеров в Гаване состоялось торжественное собрание совместно советских и кубинских руководителей. От нашего полка были выделены два автобуса с офицерами. Вначале была торжественная часть, затем небольшой концерт советских и кубинских военных артистов. После концерта состоялся небольшой банкет. Много было различных безалкогольных напитков (соки, кока-кола, пиво). Все это было бесплатно.

Бутылочное пиво находилось во льду в больших бочках. Все напитки были прохладными и вкусными.

Очень веселая история произошла на вечере. Некоторые кубинцы, видимо, добравшись до бесплатного пива, не рассчитали своих сил и перепились пивом. Они были сильно пьяненькими и очень веселыми. Но среди наших ребят таких даже близко не было. Мы все были «как стеклышко».

В начале марта по всей Кубе проходит праздник-карнавал в честь окончания сафры. Сафра – это сбор сахарного тростника, основной сельскохозяйственной культуры, из которого вырабатывают сахар, основу экспорта Кубы. Когда заканчиваются работы по сафре, по всей Кубе начинается праздник. Во всех городах и других населенных пунктах начинают подготовку к этому празднику: шьют карнавальные костюмы, изготавливают различные маски, шляпы, репетируют национальные танцы. Также сооружают различные кортежи, на которых

устанавливают платформы для артистов из народа. Эти платформы на спрятанных авто движутся по главной улице города, звучит веселая танцевальная музыка, и весь народ, пришедший на праздник, двигается вслед за кортежами, танцуя на ходу. Нам было разрешено поехать посмотреть этот большой праздник в первый день карнавала. Вообще, карнавал длится несколько дней. Но первый день самый красивый. Мне повезло, я попал на карнавал и сделал много фотографий (у меня целый альбом с карнавала). Все было очень красиво, весело, много музыки, танцев. Кубиночки мне позировали в своих карнавальных и купальных костюмах. В общем, очень красочное зрелище. Такое я видел впервые. Неповторимо!

В мае программа обучения по ФКР-1 была выполнена. Все подразделения кубинского полка сдали экзамены, выполнили все практические задания в установленные нормативы и получили хорошие оценки. В начале июня состоялась торжественная передача всей боевой и другой техники нашего полка на баланс

кубинского полка. С этого времени всей нашей техникой теперь командует кубинское армейское руководство. На торжествах присутствовали командующий ВВС Группы войск на Кубе и команданте артиллерии Вооруженных Сил Кубы. Было торжественное построение личного состава как нашего, так и кубинского. Кубинские солдаты и офицеры были одеты в новенькую форму, у офицеров советские португалии с кожаной кобурой для пистолета ПМ. У всех участников торжества было приподнятое настроение по поводу успешной учебы кубинских солдат и офицеров. Со своими кубинскими друзьями мы потом сфотографировались. Л. Франко Парреяда оставил свой автограф с пожеланиями на одном фото, где мы с ним стоим на фоне казарм.

На следующий день начались сборы по возвращению на Родину. В первую очередь необходимо было избавиться от лишнего груза в дороге. Старую военную форму, испорченную длительным хранением в чемоданах при высокой влажности воздуха (98%), пришлось уничтожить. Был разведен

на берегу залива огромный костер, куда полетели плесневая шинель, старый китель, брюки, полевая форма, фуражки, сапоги, ботинки и разная мелочь. Этих вещей было больше чемодана. Костер выдался на славу!

Еще одно важное событие произошло 10 июня, когда в торжественной обстановке офицерам полка за мужество и интернациональный долг перед народом Кубы были вручены почетные грамоты от Министра Обороны Республики Куба Рауля Кастро Рус. Нам всем, офицерам, было очень приятно принять такую награду. Мы ему благодарны за такую оценку нашей службы на территории Кубы. Значительно позже в 1988 году указом Михаила Сергеевича Горбачева была учреждена Грамота воину-интернационалисту за мужество, доблесть и интернациональный долг, выполняемый советскими воинами за рубежом нашей страны.

Скоро нам сообщили, что 15 июня намечается наше отбытие на теплоходе «Туркмения». Расставание с нашими кубинскими друзьями было очень

трогательным. Жалко мне было расставаться и с Л. Ф. Парреядой. Все мы думали, что это навсегда. Но только не с ним. Я его встретил еще раз в 1965 году. Но об этом позже.

14 июня все мы на автобусах, но уже кубинских, прибыли в Гаванский порт, поднялись на борт пассажирского теплохода и стали устраиваться по каютам. Рано утром 15 июня мы вышли из порта и взяли курс на Калининград. Прощай Гавана, прощай Куба, ставшие за эти почти 2 года такими родными. Наверное, это прощание, навсегда...

Каюты и все постройки на теплоходе оказались такими же, как и на «В. Воровском». Я и еще три офицера нашей эскадрильи заняли каюту на 4 человека. Но было, в общем, не тесно. 12 дней пути прошли незаметно. Перед отъездом из базы мы с ребятами закупили каждый по ящику рома для времяпрепровождения в пути домой. Это помогло нам не скучать на корабле. Настроение у всех приподнятое, радостное.

Все-таки, возвращение на Родину!!! Как-никак, а соскучились по дому, родным, друзьям.

В Калининград прибыли 27 июня, и нас всех со всем багажом автобусами доставили, как я понял, в комендатуру Калининградской военно-морской базы. Там нам выдали проездные документы, удостоверения личности, партбилеты. Офицерам выдали пакеты с личными делами под сургучной печатью. Тут же нам оформили короткие на 10 дней отпуска и отпустили на все 4 стороны.

Теперь до дома каждый должен добираться самостоятельно. А на вокзале в городе проблемы с билетами. Лето – отпускной сезон в стране. Чтобы нам уехать до Москвы пришлось через военного коменданта вокзала добиться прицепить дополнительный вагон к московскому поезду. Только тогда нам оформили билеты до Москвы.

После короткого отпуска по полученным еще на Кубе предписаниям мне было необходимо явиться в отдел

кадров 48 ВА Одесского военного округа для получения назначения на дальнейшую службу. Я свой короткий отпуск провел дома в Москве. Для меня встала проблема дальнейшей службы. Мне так не хотелось снова попасть в Одесский округ, особенно в авиацию. Нужно было что-то думать, что делать дальше.

Я вспомнил, что Дима Смирнов, офицер нашей части с Кубы, вернулся домой в 1963 году. Перед отъездом я попросил у него домашний телефон (он был женат, и они жили в Москве). Я решил позвонить ему. К счастью он был дома, и я попросил встретиться с ним. При встрече я рассказал ему о своих мыслях по дальнейшей службе. Попросил его хоть как-нибудь помочь мне разрешить эти трудности. В это время он уже служил в военной приемке в Москве. Но у него высшее образование, а у меня только среднее техническое. Это еще одна проблема.

Дима пообещал поговорить со своим районным инженером. Через пару дней мне

позвонил Димка и сообщил несколько телефонов в Главном Штабе ВВС на Пироговке, 24. Я без промедления решил действовать. По одному из телефонов мне ответил полковник Григорьев. Поговорив со мной немного, он назначил мне встречу на следующий день в Управлении ВВС. В назначенное время я был на Большой Пироговке, 24 и встретился с тем полковником.

Он долго расспрашивал меня о жизни и о службе. Потом взял у меня пакет с личным делом, вскрыл и начал его читать. Так мы провели около часа. Он встал, попросил меня подождать и ушел куда-то с моим личным делом. Вскоре он вернулся с запечатанным другой печатью пакетом и сказал, что мне надо поехать в штаб 48 ВА согласно предписанию, и если там меня отпустят, то здесь могут взять.

Я затосковал, так как ничего конкретного мне не сказали. Мне придется лететь в Одессу. Прошел мой отпуск, и я, как и все мои друзья-офицеры из части, снова встретились в штабе 48 ВА для

переслать дело. Кроме этого, я назвал еще фамилии нескольких офицеров, с которыми я беседовал по телефону.

В кабинете кадровика в это время сидели два полковника, которых вдруг мой рассказ заинтересовал. Кадровик с ними переглянулся и попросил меня выйти из кабинета и подождать. Через несколько минут он пригласил меня в кабинет и, ничего не объясняя, сказал, чтобы я пошел и оформил отпуск и проездные документы до Москвы. В отпускном был указан адрес, куда я должен был прибыть после отпуска. Это была Подгородная! Почему? Я понял, что буду находиться за штатом до решения моей судьбы. Так закончился первый этап «борьбы» за свое будущее.

Я вернулся в Москву и весь свой теперь уже очередной отпуск провел не как обычный отпуск. Я стал, чуть ли не каждый день названивать Григорьеву и интересоваться, как идут дела с моим назначением. И всегда я получал ответ, что пока решения нет. Придется ждать. И в таком режиме прошел весь мой отпуск.

Разочарованным мне пришлось возвращаться в Подгородную.

10 августа 1964 года я прибыл в в/ч в Подгородную и сразу пошел в отдел кадров. Эта часть была стройбатом, который стоял на бывшей нашей территории. Меня прикомандировали к части в моей настоящей должности. Но мне еще немного повезло, что я смог жить в Первомайске у дяди и изредка сообщать о себе по телефону в часть. Дядя и тетя меня приняли с радостью, и я стал у них жить, помогая по хозяйству и внося небольшую, чисто символическую плату за проживание. На эти деньги я покупал продукты. С Кубы привез им подарки, гостинцы, и подарки от родителей. Так я прожил у дяди Пали почти 2 месяца.

Однажды, гуляя по городу, я встретил свою давнюю подругу по Первомайску Валентину Зубченко. Обрадовались, как друзья, встрече, поболтали и договорились встретиться в ближайшую субботу на танцах в парке. Эта суббота в дальнейшем изменила всю мою жизнь.

На танцплощадке я увидел Валью с еще одной девушкой. Они стояли в сторонке и мило болтали. Я подошел и поздоровался. Валя познакомила меня с девушкой. Ее звали Люда, она была школьной подругой Вали и жила рядом с ней на улице Урицкого. Я как-то сразу выделил Люду, она мне очень понравилась. Но я, как джентльмен, на танцах оказывал одинаковое внимание обеим девушкам. Во время танцев я все внимательно наблюдал за Людой, и мне показалось, что я ее встречал раньше в Первомайске. Высказал свое предположение девушкам. Оказалось, что я еще в феврале 1962 года познакомился с Людой, когда пригласил Валью на лекцию о «Международном положении» в Доме Культуры Первомайска. Чтобы Вале не было скучно, она взяла Люду с собой на лекцию. В это время Люда на каникулы приехала домой. Она училась в мединституте в Днепропетровске. Вот такое было первое знакомство. Каникулы закончились, и Люда вернулась в институт. Больше я ее не

видел. И только благодаря Вале я снова ее встретил в Первомайске уже после Кубы.

После танцев я пошел провожать подружек домой, благо дома их были рядом друг с другом, да и стояли они на улице Урицкого, не далеко от дома дяди Пали. По дороге я предложил им встретиться на следующий день (в воскресенье) на берегу Южного Буга, позагорать (август, тепло) и посмотреть мои фотографии с Кубы. Еще, будучи в отпуске в Москве, я провел большую работу по систематизации всех кубинских фотографий. А их у меня было предостаточно. Получились два полных альбома. Их я привез в Первомайск и показал Костельцевым. Они были в восторге от увиденного.

В воскресенье утром мы встретились на берегу реки, загорали, купались и любовались видами Гаваны, нашей базы «Гранма» и карнавалом. Болтая обо всем, мы с Людой рассказали друг другу о себе. Ее родители очень близко знают семью моего дяди. Отец, Иван Федотович, работает вместе с дядей Палей на

машиностроительном заводе, единственном крупном заводе в городе. Иван Федотович – начальник механического цеха, а дядя Паля – начальник литейного цеха. Оба работают еще с 30-х годов. Вместе эвакуировались во время войны и жили в городе Балаково Саратовской области. Мама Люды, Вера Антоновна, работала учителем русского языка в средней школе. Тетя Люба (жена дяди) работала на заводе главным бухгалтером. Моя двоюродная сестра Ая вместе с Людой брали уроки музыки (частные) у одной и той же учительницы по классу фортепиано. Поэтому также хорошо знают друг друга.

В дальнейшем я стал приглашать на прогулки или в кино только одну Люду. На танцы мы с ней больше не ходили. Нам и так было мало времени для двоих. Я готов был каждый день встречаться с ней. Мы стали ближе узнавать друг друга, интересоваться друг у друга прошлой жизнью, ее подробностями. Нас стали сближать общие интересы в жизни. Оба любили стихи Пушкина, Есенина,

Б. Окуджавы, любили литературу одних и тех же писателей. То есть нашли общий интерес к жизни. Особенно мы оба любили отгадывать кроссворды. Это еще больше сближало нас. Ну и конечно, она была красивенькой и стройной девушкой. В выходные дни я приглашал Люду кататься на лодке по реке, загорать на безлюдном острове недалеко от берега. Такая «служба» оказалась для меня просто раем.

Однажды Люда, будучи откровенной, рассказала мне о своей школьной жизни и жизни после нее. В школе она сидела за одной партой с мальчиком-отличником, который в старших классах уделял ей все больше внимания. Кроме всего, он нравился ее маме, и она, видимо, имела на него виды в будущем. Так оно и вышло. После окончания школы Люда поступила в мединститут в городе Днепропетровске, а ее школьный друг (его звали Валерий) в политехнический институт там же. Чем ближе к выпуску, тем настойчивей мама Люды предлагала ей выйти замуж за него. Все-таки Люда согласилась, и на 5 курсе института сыграли свадьбу. По

распределению они поехали работать в город Петропавловск-Казахстанский.

В дальнейшем у них жизнь не сложилась. Валерий стал с друзьями играть в преферанс, засиживаться до утра, стал выпивать. Это сильно вносило разлад в семью. Частые ссоры, пьяные дружки – все это расколело их семейную жизнь. Люде все это надоело, и летом 1964 года она бросила мужа и вернулась в Первомайск. Конечно, она все это переживала. Дома мать была недовольна ее поступком (а что скажут соседи?). Она устроилась на работу, стала забывать тяжелое прошлое. Потом, вероятно, встреча со мной помогла ей обрести покой и уверенность в своих силах.

Через несколько дней знакомства Люда пригласила меня домой и познакомила с родителями. Отец мне показался добрым, и принял меня доброжелательно. Мать как-то с осторожностью. Но в дальнейшем все устроилось, и я был принят в друзья к Люде. Отношения наши с Людой становились все теснее и теснее. Она уже позволяла себя обнимать, целовать, но не

более. А я и не настаивал. У меня в голове не было дурных мыслей. Просто мне было приятно быть с ней рядом, беседовать о наших общих интересах. Вот, наконец, подошел тот момент, когда я признался ей в любви. Сначала она была этому удивлена и отнеслась к этому, как к моим эмоциям, несерьезно, вроде. Но потом она, все же, поверила в серьезность моих намерений.

Я продолжал названивать в Москву и беспокоить Григорьева о своей судьбе. В конце сентября при очередном звонке Григорьев передал, чтобы я подождал еще немного. Я смекнул, что скоро что-то случится. В разговорах с Людой я говорил ей, что скоро меня должны куда-то перевести служить. Так как Люда не была разведена, я предложил ей поехать со мной на новую работу, а потом она разведется с ним. Я уже не представлял свою дальнейшую жизнь без нее. Я ей в этом признался. Люда согласилась и рассказала об этом родителям. Отец воспринял эту новость спокойно. Он, видимо, был доволен ее выбором. Мать же, наоборот, выразила тревогу за дальнейшую судьбу Люды. Люда,

молодец, настаивала на своем и просила ей не мешать.

В первых числах октября в доме дяди Пали раздался звонок. Я взял трубку и услышал, что мне необходимо прибыть в часть в Подгородную. Я тут же помчался в часть. Мне показали телеграмму из Москвы, в которой был такой текст: «Просим дать свое согласие на Арзамас». Было сразу понятно, что Одесский округ и 48 ВА я забуду навсегда, а дальнейшая служба меня ждет в военном представительстве на каком-нибудь заводе. Я дал свое согласие, и телеграмма об этом пошла в Москву. Эту радость я сразу сообщил Людмиле. Она рассказала родителям. Но никто уже ничего не мог изменить.

Люда приняла окончательное решение поехать со мной, но с условием, что я поеду в Арзамас один, обустроюсь, разведу возможность устройства Люды на работу. Ей хотелось попасть преподавателем в медучилище, если там такое есть. Результаты ей сообщить и приехать за ней.

На этом и порешили. Я обещал ее забрать. Она уже была готова уехать подальше от матери. У них были трения в отношениях, и Люде не нравилось это.

Вскоре я получил предписание с указанием прибыть 6 октября 1964 года в Военное Представительство № 496 Министерства Обороны на предприятие п/я № 15 города Арзамас. Простились мы с Людой не навсегда, с надеждой на скорейшую встречу.

В Арзамасе меня поселили в заводском общежитии в отдельной комнате. В общежитии еще жили молодые специалисты, выпускники институтов. Старшему военпреду майору Цветнову Евгению Петровичу я объяснил свое семейное положение и написал рапорт о поездке в Первомайск для женитьбы. По уставу ВС мне разрешался трехдневный отпуск без дороги. Я даже не думал, что этот «индюк» мне откажет. Пусть она приезжает сюда сама, если любит, а мы ее здесь встретим. Это был для меня удар. Все мои попытки уговорить отпустить меня ни

к чему не привели. Поиски работы для Люды увенчались успехом. В Арзамасе только что открылось медучилище, и директору были нужны преподаватели. Узнав, что Людмила медработник и уже имеет опыт преподавания, сразу предложила ей по прибытии любую работу. Но как ей прибыть? Я просто не знал, что делать. Но сначала нужно было осваиваться на службе.

Цветнов познакомил меня с офицерами приемки и рассказал про завод, про работу, которую мне придется выполнять. Завод выпускал различную продукцию гражданского и военного назначения для авиационной промышленности. Моя должность называлась «старший техник авиационный», и я должен был осуществлять контроль над изготовлением принимаемой продукции и принимать ее в готовом виде. На работу, по причине секретности, нужно было ходить в гражданской одежде. Но после Кубы у меня была только такая одежда. Ведь форму я сжег.

О своих впечатлениях, об Арзамасе, о своей работе я написал Люде. Также сообщил, что договорился о ее работе в медучилище. Но мысль как-то выбраться в Первомайск меня не покидала. Я же дал Люде слово офицера, что приеду за ней. Оставался один выход, смыться в самоволку. Риск большой, но делать нечего. Приближался праздник Великого Октября. Это два выходных дня и еще полдня накануне. Решение было окончательным. Я послал Люде телеграмму, чтобы встречала 7-го утром. Маршрут отработал заранее: 6-го вечером – автобус Арзамас-Горький, затем самолет Горький-Одесса, а оттуда поездом до Первомайска.

Все до Одессы было гладко, но в Одессу самолет чуть опоздал, и я опоздал на поезд в Первомайск. Пришлось брать такси. 7-го утром я уже был в доме Люды. Пришлось Люде все объяснить, и мы начали скорые сборы. Так называемую, «свадьбу» сыграли у Люды в доме, пригласив в качестве свидетелей дядю Палю, тетю Любу и Аю Костельцевых. 8-го утром обратным маршрутом прибыли в Арзамас.

9-го утром и я, и Люда уже вышли на работу. Люда была довольна своей работой, это ей было не в новинку. В приемке никто ничего не заподозрил. Цветнову я сказал, что жена приехала сама, и я ее встретил. Так мы спокойно зажили в общезнании. Таким образом, мы с моей любимой и единственной прожили 44 года.

Служба моя шла своим чередом. На заводе я принимал авиаприборы, различную аппаратуру для ВВС. Началась счастливая семейная жизнь. Оба довольные своей работой. Люда вообще окунулась в учебный процесс с головой. Студенты были как дневного, так и вечернего отделения. Трудилась Люда с утра (9:00) и до позднего вечера (22:00). Мне приходилось ходить ее встречать к училищу. В общем, за месяц мы даже купили телевизор, такая была наша зарплата.

В 1965 году к нам в приемку прибыли служить несколько офицеров по окончании академий. Один из них Павел Васильевич Будкин закончил военно-воздушную инженерную академию им. Жуковского.

Как-то в общении с офицерами я рассказал, что прибыл в приемку после 2-х лет службы на Кубе. Паша Будкин сказал мне, что в академии учится группа кубинских военных и живут они в общежитии, где жил и Паша. Я попросил у него телефон общежития и при случае решил позвонить туда.

Вскоре мне представилась возможность поехать в Москву за получением гражданской одежды взамен военной формы, так как на службу приходится ходить в гражданке. Мне выписали командировку в город Раменское, Московской Области на три дня. Мы с Людой поехали вместе, так как она решила помочь мне выбрать одежду покрасивее. Остановились мы у моих родителей в Текстильщиках.

Из дома я позвонил в общежитие академии Жуковского. У дежурного я узнал, что в общежитии живет группа курсантов с Кубы. Я спросил, а нет ли среди них Луиза Франко Парреяда. Дежурный сказал, что такой здесь есть. Ну и позвоните ему скорее к телефону. Я просто ничего подобного не

ожидал, чтобы опять встретиться со своим кубинским другом уже в Москве. Луиз подошел к телефону и назвал себя. Конечно, он все вспомнил (прошло всего полтора года, как мы расстались на Кубе) и очень удивился моему звонку. Я все рассказал, как его отыскал и тут же пригласил в гости. Сообщил ему домашний адрес, каким транспортом приехать.

Дома сразу стали готовиться к встрече с таким дорогим гостем, через некоторое время я встречал его еще с одним кубинцем на троллейбусной остановке. Этот курсант был переводчиком в нашем полку на Кубе. Имя его я не помнил. Семья их встретила радостно, гостеприимно. Кубинцам у нас очень понравилось. Мы долго вспоминали службу и учебу в «Гранме». Так закончился еще один период в жизни, связанный с Кубой.

*Экипировка настоящего рыбака
(база Гранма, 1963)*

*Лангуст - богатый улов В. Коваленко
(база Гранма, 1963)*

*Финиш уже совсем близко, бег на 3 км
(база Гранма, 1963)*

*Соревнование по баскетболу на первенство
части (база Гранма, 1963)*

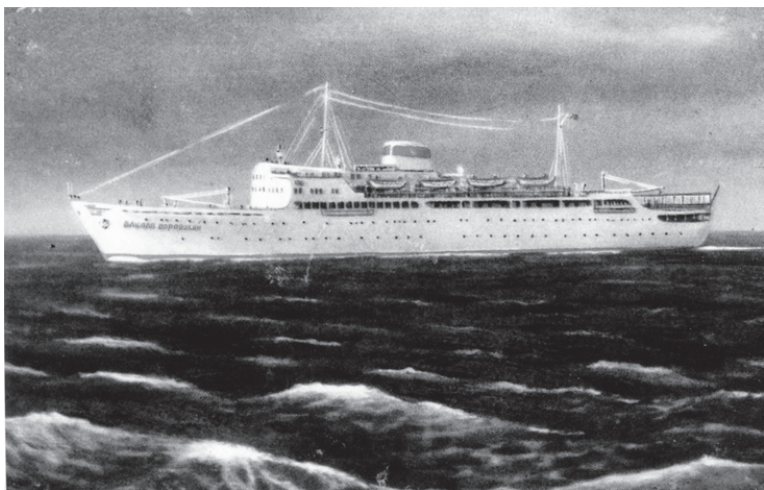
Дворцовая площадь (отпуск, Ленинград, 1963)

Петропавловская крепость (Ленинград, 1963)

Крейсер «Аврора» (1963)

*«Маршрутка Ленинград-Гавана»
(теплоход Вацлав Воровский, декабрь 1963)*

*Американский разведчик над теплоходом
(Атлантика, 1963)*

*Фотограф-любитель в поисках удачного ракурса
(т/х «Вацлав Воровский», 1963)*

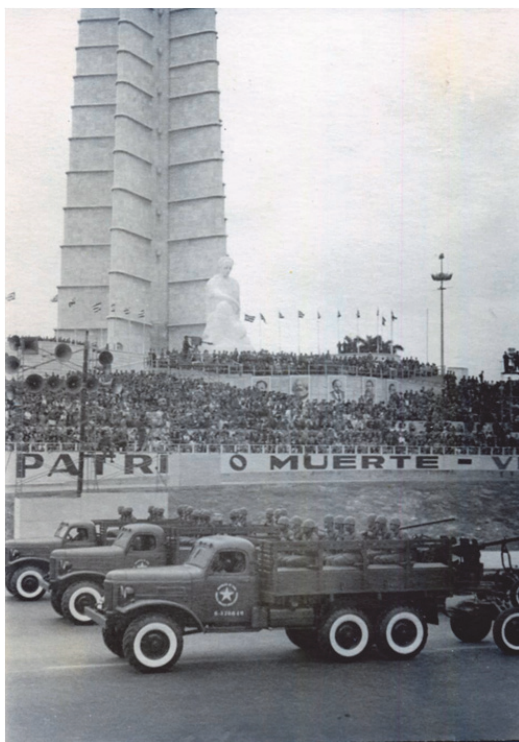
*Александр Рябов и Валентин Колесников в
преддверии Нового года, где ты Родная Земля?
(база Гранма, 1963)*

*И вот она нарядная на праздник к нам пришла,
И много-много радости на Кубу принесла!
(база Гранма, 1964)*

*Новый 1964 Год в тесном кругу друзей
(база Гранма)*

Парад РВС Кубы (1 января 1964)

*Весенний карнавал в Гаване.
«Мясо-молочная буффонада» (1964)*

*Весенний карнавал в Гаване
(Женские образы в костюмах)*

*Весенний карнавал в Гаване
(Королевы карнавалов 1962 и 1963 гг)*

*Весенний карнавал в Гаване
(Начало космической эры)*

*Весенний карнавал в Гаване
(Колумб открывает новую Землю)*

*Ученик Луиз Франко Паррреда и учитель А. Рябов
(учебный центр Гранма, 1964)*

Учитель со своими кубинскими учениками

*Старший лейтенант перед отправкой на Родину
(учебный центр Гранма, 1964)*

*Торжественное построение во время передачи
военной техники (Ракеты ФКР-1) Кубинской
Народной Армии (учебный центр Гранма, 1964)*

Моя будущая супруга - Люмчик (1960)

Свадебное фото (1965)

Аленушке полгода (Первомайск, 1968)

*Вот вам всем! - Аленка в своем духе
(Москва, 1968)*

*Семьи Рябовых и Болдовых с детьми
(Москва, 1968)*

*Отдых в Первомайске с родителями Любочки -
Иваном Федотовичем и Верой Антоновной
(1968)*

*Друзья-сослуживцы
(ВП496МО, Арзамас, 1966)*

*Боря Отт с женой Татьяной, с сыном Колей
и родными (Краснодар, 1967)*

Дальше главными задачами для нас с Людой были получить мне высшее образование и родить ребенка. Я очень любил детей и не представлял себе семейную жизнь без них. Люда была со мной согласна. Чтобы получить высшее образование у меня было 2 варианта. Поступить в академию ВВС им. Жуковского или поступить в Арзамасский филиал Горьковского политехнического института. Я поступил на подготовительные курсы, которые открылись в Арзамасе.

Кроме того, Цветнов мне предложил написать рапорт о поступлении в академию. Мы с Людой все это обсудили и решили, что буду пытаться поступать в Арзамасский филиал. Все-таки опасно, если я закончу академию, то обязательно попаду служить в приемку. А мне очень хотелось остаться служить в этой системе. Поэтому я отказался от академии. Подготовительные курсы я закончил успешно, сдал экзамены и был зачислен в филиал.

В 1965 году Люда подала в суд на развод с «мужем» В. Лазаренко. Суд

состоялся в городе Горьком. Муж письменно сообщил о согласии на развод, но приехать в суд отказался. Мы обрадовались и 11 августа 1965 года официально зарегистрировали наши отношения. Но, все равно, день нашей свадьбы мы всегда отмечали 7 ноября. Люда стала Рябовой. И вечером, конечно, было небольшое застолье с приглашенными офицерами приемки.

После официальной женитьбы мы задумались о ребенке. Но здесь неожиданно появились трудности. С 1965 по 1968 год Люда трижды беременела и два раза неудачно с выкидышами. И только затем появился на свет ребенок. Роды были тяжелыми, Люда очень страдала. Но все прошло, и наша доча Алена стала еще одной ниточкой, крепко связывающей нашу семью. Алена росла радостной, здоровенькой, живой девчуркой.

Ранее в 1966 году нам дали квартиру в новом доме. В этом же 1968 году у одного из наших офицеров, Запивахина Геннадия, родилась девочка, которую они с женой

назвали Леной. Мы с Геной были одногодки и в одном звании. Довольно быстро и легко сдружились семьями, и наша дружба все больше крепла и продолжается до сих пор, когда я пишу эти строки (2013 год).

В 1971 году я закончил Арзамасский филиал, но уже Московского Авиационного Института. Горьковский институт был переименован в Московский, и преподаватели в институт приезжали уже из МАИ. Мне, как инженеру, было присвоено звание инженер-капитан, и я был назначен на должность младшего военпреда. У меня теперь появился служебный рост. Я стал задумываться о переводе меня куда-нибудь ближе к Москве. Я высказал идею Люде. И она поддержала ее.

Служба у меня шла хорошо, без замечаний, опыта в работе набрал достаточно, был начальником группы в цехе. Однажды наш районный инженер полковник Григорьев Леонид Михайлович приехал к нам в приемку посмотреть, как

идет работа на заводе, как идет служба. В это время старшим военпредом был полковник Чернощеков Юрий Борисович, заменивший Цветнова, переведенного районным инженером в Ульяновск. Воспользовавшись моментом, я попросил Григорьева побеседовать со мной о возможности моего перевода к другому месту службы или в Москву, или куда поближе. Напомнил, что я москвич, призывался в армию из Москвы, и что у меня родители живут в Москве, и я могу у них прописаться. Он, конечно, мне ничего не обещал, но, думаю, наш разговор взял на заметку.

Еще одним памятным событием в нашей с Людой жизни стал визит к нам в Арзамас моего сослуживца по полку ФКР, включая и службу по Кубе, Коваленко Виталия. Он остался на Кубе советником на год после того, как мы вернулись на Родину. Дальше служба у него продлилась в приемке на одном из авиационных заводов в городе Казани. Узнав об этом, мы с Людой пригласили его к нам в гости. К этому времени он уже женился, взял жену из

Казани. Они приехали к нам на «Волге», которую он заработал на Кубе. Несколько дней мы гуляли на природе, ознакомили их с Арзамасом, памятными местами. За столом долго вспоминали службу в Первомайске и на кубе с нашими друзьями-сослуживцами.

Вскоре с Людой и Аленой мы нанесли ответный визит семье Коваленко в Казань. Город мы видели впервые. Эти встречи с Виталием и его семьей надолго запомнились нам. После этого надолго прекратились встречи с «кубинцами».

В 1973 году я был включен в комиссию от нашего Управления для плановой проверки военного представительства на Пензенском авиационном заводе. Председателем комиссии был Л.М. Григорьев. В течение недели комиссия должна была проверить работу приемки и дать оценку ее деятельности. Я понял, что Григорьев включил меня в комиссию не просто так. Он решил проверить, насколько я стал профессионал в своем деле. Поэтому я решил «не упасть в грязь лицом» и

показал все, на что был способен. Работал ответственно и плодотворно, недостатков «накопал» достаточно. Григорьев, кажется, был доволен. Я вернулся в Арзамас, и служба продолжилась как обычно.

Однажды, 1 апреля 1974 года меня вдруг вызывает старший военпред, полковник Морозов Анатолий Иванович (он заменил Чернощекова Ю. Б. в 1972 году), и объявляет, что подписан приказ о переводе меня в Москву военпредом на 1-й МПЗ (Московский Приборостроительный Завод). Сначала Морозов подумал, что это первоапрельская шутка, но Григорьев шуток не любил. Вскоре пришло письменное подтверждение приказа. Это сообщение очень обрадовало нас с Людой. Через почти 20 лет я вернусь в родную Москву.

10 лет жизни в Арзамасе прошли замечательно, весело, в дружном коллективе ВП496МО. Об этом периоде жизни у меня осталась память в нескольких десятках фотографий. Мы с Людой были

молоды, полные сил для дальнейшей работы.

В мае 1974 года я приехал в Москву один. Люда с Аленой остались в Арзамасе ждать дальнейших событий в моей службе. В первую очередь я должен был получить прописку у родителей, а затем забрать своих из Арзамаса. Окунувшись в проблему более глубоко, я не ожидал, что она будет такой не решаемой. Оказывается, офицер может быть прописан в Москве, только если приказ о переводе подписан только Министром Обороны или его первым замом. Мой приказ был подписан Главкомом ВВС. Этого было не достаточно для прописки. Я был просто «убит». И что только я не предпринимал, никакие мои потуги в этом не помогали. Так я прослужил в ВП 1-го МПЗ почти год.

Я каждую неделю в пятницу ехал в Арзамас, вез сумки с продуктами и, конечно, полусухим «Свадебным» или «Арбатским». В этот год были большие проблемы с продуктами на периферии. Вся страна жила впроголодь. Только Москва

спасала. Возвращался я из Арзамаса каждый понедельник. Но зато в Арзамасе мой приезд был большим праздником не только для Люды и Алены, но и для друзей из приемки. По субботам было большое застолье.

Но Григорьев все больше интересовался, как у меня дела с пропиской. Мне пришлось признаться, что проблема не решается. Я был перед ним очень виноват, так как ничего не получалось. Он стал предлагать мне различные варианты перевода к другим местам службы, но уже не в Москве. Я отказывался и просил его подождать немного. Вот тут, как не раз, мне снова повезло в жизни. Звонит Григорьев и предлагает поехать в Мытищи на собеседование к командиру в/ч 55215, которая только что была создана. Назначения офицеров в эту часть подписывались Министром Обороны. Я, конечно, согласился поехать на собеседование.

Беседа проходила в непринужденной обстановке. Командир, генерал-майор Кузнецов Вениамин Алексеевич, расспрашивал меня о прошлой службе, с какой техникой я общался и не знаком ли я был с измерительной техникой. Я знал, что Арзамасский завод выпускал для авиации турбинные расходомеры жидкости, а для промышленности – расходомеры жидкости и газов (так называемые, ротамеры). Об этом я сказал Кузнецову. Кроме того, я принимал широкое участие в контроле над разработкой технических заданий и условий на новую технику. Мне показалось, что Кузнецов оказался доволен собеседованием.

Результатом всего этого стал приказ Министра Обороны о назначении меня младшим научным сотрудником в 32 Метрологический центр МО (то есть в в/ч 55215) в городе Мытищи Московской Области. Тяжелый груз неопределенности в дальнейшей судьбе спал с моих плеч. Это была очередная победа по служебной лестнице. Конечно же, только благодаря Григорьеву Л. М. Вечная память этому

человеку, который, чисто по-человечески, помогал мне преодолевать трудности жизни. Эту новость я тут же сообщил по телефону в Арзамас Людмиле. С 1 февраля 1975 года я приступил к обязанностям младшего научного сотрудника в 32 Метрологическом центре.

Люда стала постепенно собираться к отъезду. Ведь надо было упаковывать домашние вещи, кое-что распродать (пианино и др.). Но Люда решила доработать учебный год в училище. Поэтому уехали мы из Арзамаса в начале июня. Мои родители радостно восприняли мое назначение. Наконец, они дождались, что наша семья будет теперь совсем рядом с ними.

Но возникла еще одна проблема. Как найти работу для Люды и определиться с жильем. Я стал обходить многие медучилища в Москве с поиском работы для нее. К сожалению, получить работу в Москве можно было только после прописки. А прописки у нас не было, потому что не было жилья. Замкнутый круг.

Но в одном училище (№ 21 в Сокольниках) я нашел поддержку в лице директора, бывшего полковника Делянова. Он согласился взять Люду на работу. Вопрос жилья мы с Людой решали на «черном рынке» около Рижского вокзала.

Сначала мы приехали в Москву без вещей. Решали насущные ближайшие задачи. Люда стала работать преподавателем в 21 медучилище и дополнительно совмещать это с обязанностями замдиректора по учебной части. Вскоре нашли квартиру, которую нам сдала одна женщина. Квартира была пустой. Хозяева работали на Севере, а квартиру сдавали внаем. Она нам понравилась, трехкомнатная, одна комната закрыта, телефон и все бытовые условия. Квартира была в Москве в Бабушкинском районе. Отсюда до Мытищ было полчаса на электричке. Это нас устраивало.

Когда все насущные проблемы были решены, мы, оставив Алену с родителями, вернулись в Арзамас для окончательного освобождения квартиры, оформления

контейнера для вещей, их погрузки и отправки в Москву. Перед отъездом организовали вечер прощания с нашими друзьями из приемки, а потом и с сослуживцами из медучилища. Расставание было очень грустным. Все-таки 10 лет жизни в Арзамасе, общение с офицерами и их семьями оставили большой отпечаток в душе.

В Бабушкино мы прожили четыре года. Бесквартирных офицеров в части было много, все они снимали частные квартиры. Но в душе была надежда, что квартиры мы получим. В Мытищах в военном городке, где жили офицеры с семьями из двух институтов, стали строить девятиэтажный дом для нас. Обещали через четыре года дом сдать для эксплуатации и заселить. В эти годы Аленка проучилась 4 класса в московской школе, поступила и училась в музыкальной школе.

В 1979 году накануне Дня Советской Армии всем бесквартирным дали ключи от квартир построенного дома. Нам с Людой повезло. Двухкомнатную квартиру мы

получили на 2 этаже с хорошей лоджией (6 м²). В Мытищах я прослужил 14 лет (с 1974 по 1988 годы), дослужился до подполковника, начальника лаборатории.

За все время службы я несколько раз бывал в Арзамасе по служебным делам, останавливался в семье Запивахиных, что было мне очень приятно, чувствовать их заботу и доброжелательность. Встречи наши были дружественными.

За время житья в Мытищах мы часто бывали у моих родителей. Они проживали в Беляево в трехкомнатной квартире. Там же жила моя сестра Алла с мужем и сыном Ильей. Алена и Илья погодки, быстро подружились и были друг для друга как родные брат и сестра. К родителям также часто приезжала младшая сестра Валя с мужем Виталием Сурковым, которого она встретила в Арзамасе, когда приезжала к нам в гости. Вместе они прожили 10 лет, после чего развелись по непонятной мне причине.

В Мытищах за 21 год жизни произошли значительные изменения в нашей семье.

Аленушка в 1985 году закончила с отличием школу и поступила в Московский Педагогический Институт им. Ленина. На втором курсе она познакомилась с юношей Юрой Смирновым, который ранее окончил этот институт и работал там, в исследовательской лаборатории. Через некоторое время они поженились и родили дочку, которую назвали, я думаю, в мою честь - Сашенькой.

Я был несказанно рад этому. Как раз в этом 1988 году я закончил военную службу, вышел в запас и пошел работать на гражданку. Люда проработала в Московских медучилищах 27 лет. Она была довольна работой. Ее очень уважали за спокойный характер, профессионализм в медицине, и последние годы она была главным методистом всех московских медучилищ. Только в 2002 году по состоянию здоровья она ушла на пенсию.

Алена с Юрой и Сашей жили сначала у родителей, потом снимали частную квартиру и только в 1996 смогли купить квартиру для себя. Возможность купить

квартиру у них появилась тогда, когда они создали со своими институтскими друзьями коммерческую фирму по продаже электрического кабеля и скопили определенную сумму.

В 2000 году Алена и Юра предложили нам с Людой перебраться в Москву. Квартиру в Мытищах можно продать, добавить определенную сумму и купить недорогую квартиру в Москве. Предложение родилось потому, что я уже несколько лет помогал в воспитании Саши.

С 7 лет и до 6 класса ее учебы в школе мне приходилось ездить на машине из Мытищ в Москву, чтобы заменять ее родителей, пока они на работе. Задачей моей было встретить Сашу днем из школы, покормить обедом, проверить и, если надо, помочь с уроками. Потом прогулки в парке и вечером, когда родители возвращались с работы, я уезжал домой в Мытищи. Это ежедневно с сентября по май.

Каникулы Саша проводила с нами на даче, которую мы построили в 1988 году. Дачный кооператив был организован

пенсионерами нашей части недалеко от города Хотьково, Сергиево-Посадского района. Мы с Людой жили там все лето. У нас уже появились «болячки», здоровье стало «хромать»: у меня – опорно-двигательный аппарат, у Люды – гипертония и артроз.

За период проживания в Мытищах я потерял своих родных. В 1989 году на 81 году жизни умер папа, а в 1997 году на 84 году жизни умерла мама. Также Люда потеряла маму, мою тещу. В 1983 году, когда здоровье Веры Антоновны стало совсем плохим, нам пришлось забрать ее к себе в Мытищи. В Первомайске она жила одна (Иван Федотович умер в 1969 году) и долго не хотела переезжать к нам в Арзамас, а потом и в Мытищи. В 1986 году она умерла и была похоронена на Юдинском кладбище недалеко от Мытищ.

Последние годы жизни в Мытищах я общался с друзьями «кубинцами»: Смирновым Дмитрием (по телефону) и Борисом Оттом (по переписке), он жил в

Краснодаре и частенько ездил в гости к сыну Николаю, который жил в Иваново.

Однажды, где-то в 2003 году Дима сообщил мне, что в Москве создана Межрегиональная (по всей России) общественная военная организация ветеранов, участников операции «Анадырь». В Москве действовал филиал этой организации МООВВИК, куда входили москвичи-ветераны «кубинцы».

Потом я узнал, что в 1988 году Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев издал Указ о награждении воинов-интернационалистов Грамотой Президиума Верховного Совета СССР за мужество и воинскую доблесть. Этой грамотой награждаются участники боевых действий и локальных конфликтов за пределами СССР. Приказом Министра Обороны СССР к грамоте выдавалось специальное удостоверение воина-интернационалиста.

Награжденные этой Грамотой, в соответствии с законом Московской Думы, и прописанные в Москве ветераны могут

пользоваться рядом льгот по жизни (бесплатные лекарства, санаторно-курортное лечение, бесплатный проезд в пассажирском транспорте по Москве и области).

Я решил добиться положенной мне Грамоты. Для этого нужно было предоставить в военкомат справку о моей службе на Кубе. Мне пришлось пройти долгий путь через бюрократические преграды, чтобы получить положенную мне награду. Только после посещения приемной Министра Обороны и звонка после этого в районный военкомат заставил военкома быстренько оформить положенные мне награды (грамота, удостоверение и знак «воин-интернационалист»).

Это все произошло в 2005 году. Получив официально Грамоту Президента Горбачева, я написал заявление о принятии меня членом Московской Общественной Организации ветеранов воинов-интернационалистов «кубинцев» (МООВВИК). Теперь нашей организации предстоит проводить активную работу в

составе «Боевого Братства», передавать молодежи дух смелости, отваги, интернационализма, дух крепкой дружбы, человеческих отношений. Также важно иметь что-то вроде клуба встреч ветеранов «кубинцев»-москвичей, где можно проводить различные мероприятия, поздравлять ветеранов с юбилеями, приглашать друзей кубинцев из Посольства Республики Куба и другие мероприятия.

Председателем МООВВИК является генерал-майор Макарук Михаил Маркович, его замом - капитан 1 ранга Дусеев Олег Константинович, секретарем - сержант Петров Георгий Владимирович. Создано бюро, в которое я вошел, как ответственный за сбор взносов членов «Боевого Братства» (председателем которого является генерал-полковник Б. Громов).

Наиболее тесный контакт сложился у меня с Георгием Петровым. С его помощью я приобрел несколько книг о «Карибском кризисе» и операции «Анадырь». По одной я передал Диме Смирнову (он тоже член нашей организации), отправил Борису Отту

в Краснодар, а позднее в 2007 году и Валентину Колесникову, нашему офицеру по ФКР, который живет в городе Протвино Серпуховского района.

11 октября 2007 года я впервые принял участие в торжественном собрании МООВВИК, посвященном 45 годовщине операции «Анадырь». На это торжество были приглашены ветераны «кубинцы» из других городов (Казань, Смоленск, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Хакассия и др.). Впервые я познакомился с Послом Республики Кубы Хорхе Мартинесом, космонавтом СССР Романенко и Кубы – Мендесом. Приглашен был также председатель общества Российско-Кубинской дружбы Саюшев Вадим Аркадьевич.

На этом собрании я познакомился впервые с нашими ветеранами, участниками операции «Анадырь», которые входят в мою группу. Их 15 человек, один Митрофанов Василий Акимович, участник Великой Отечественной войны, инвалид. К нему

особое внимание, ему 86 лет. Таких людей никому забывать нельзя. Они наши герои!

Вскоре произошло важное событие в моей жизни. 1 ноября 2007 года вечером в доме раздался телефонный звонок. Я взял трубку, и меня спросили, помню ли я Колесникова Валентина Павловича, который, как и я, служил на Кубе. Я, конечно, его помню. Это же «Валюха Колесо». Так его звали друзья-лейтенанты. Оказывается, Валюхе в этот день исполнилось 70 лет. Он ранее попросил своего сына Никиту попробовать разыскать Санька Рябова. Никита в это время был президентом группы коммерческих компаний. По скудным сведениям обо мне (москвич, 1939 года рождения, служил на Кубе), смогли узнать мой адрес. По телефону мне передали приглашение на юбилей Валюхи и сказали, что у дома будет ждать машина.

Юбилей отмечали в одном из небольших московских ресторанов. У входа меня встречал Никита, похожий на отца. Я догадался. В пустом зале ресторана в углу за

столом сидела группа мужчин и женщин. Но, как я помнил Валюху, среди них его не было. Но один мужчина сидел ко мне спиной. Я понял, что это был он. Подошел к нему сзади и положил руки на плечи. Он повернул ко мне лицо, и я сразу его узнал. Он тоже меня узнал, но очень удивился. «Санек, как ты здесь появился?», - были его первые слова. Я сказал, что благодаря поискам его сына. Весь вечер мы проговорили о нашей прошедшей службе, вспомнили Подгородную, Кубу. Рассказали о дальнейшей службе в Союзе. Я сказал ему, что поддерживаю связи еще с Димкой Смирновым и Борисом Оттом. Домой меня машиной доставили за полночь.

Дома я обо всем рассказал Люде, и мы решили пригласить его к нам в гости. 5 ноября я позвонил Валюхе, и он согласился приехать. Мы провели весь вечер в веселой компании, много вспоминали различные случаи из нашей службы. Я рассказал, что после Кубы встречался с Виталькой Коваленко в Арзамасе, а потом в Казани, куда он попал служить после Кубы. Встреча

была памятной для обоих. На память сфотографировались вместе с Людой.

Валюха рассказал, что после Кубы он попал служить в Одесский военный округ по разным аэродромам. За 18 лет он прослужил по 9 гарнизонам, прошел тяжелую службу, «заработал» кучу болячек. Здоровье у него неважное. С женой они разбежались, но не разводились. Живут оба в Протвино, но по разным адресам. Все заботы о его здоровье взял на себя Никита. Регулярно устраивает его в Клинику Бакулева по сердечнососудистым заболеваниям и поддерживает его здоровье. Продолжаем с ним перезваниваться, рассказывать друг другу про житие-бытие.

Под Новый 2008 год Валентин пригласил нас с Людой к себе и передал через меня приглашение Борису Отту. Вот теперь и Борис, как и я, встретился с Валентином через 45 лет. На праздниках мы прожили у Валентина 5 дней. Впечатления не укладываются в голове от воспоминаний 1959-1964 годов, когда мы служили вместе. Много разговоров о

послекубинском периоде службы и работы Бориса. Он после Кубы в звании старшего лейтенанта уволился по здоровью из армии, переехал в Краснодар, получил квартиру и устроился мотористом на танкер Новороссийского порта. Часто ходил за границу. Так продолжилась наша дружба и дальше вчетвером (Валентин, Борис, Дима и я). Борис иногда проездом в Иваново к сыну останавливался у нас.

Начался 2008 год, как обычно, с заботой о подготовке к дачному сезону, ежегодному выращиванию рассады овощей для посадки. В апреле Аленушка с Юрой организовали семейную туристическую поездку (я, Люда и Алена) в Париж на неделю. Экскурсия очень понравилась. Посетили Лувр, Эйфелеву башню, дворцы Версаля, Фонтенбло, Собор Парижской Богоматери и многое другое. Это все незабываемо, прекрасно, впечатлительно. Все были очень довольны.

Люда тоже чувствовала себя прекрасно. Но так казалось только нам. Люда нам ничего не говорила, молчала. Но она уже

чувствовала себя неважно. Болели суставы пальцев, они разбухали. Потом болячки по-женски. В августе мы срочно вернулись домой с дачи, и Алена взялась за ее лечение. Не буду описывать подробности. В общем, обнаружилось серьезное заболевание сердца, да еще к этому онкология женских органов. Врачи сказали, что сначала надо оперировать сердце, а потом другое.

В клинике Бакулева была сделана очень серьезная и сложная операция на сердце. Но организм не выдержал, и 29 ноября 2008 года Людочки не стало. Хорошо, все это было во сне. Она не мучилась. Потеря была для всех тяжелая. Никто не ожидал такого, не могли подумать, что жизнерадостной Люды больше нет в живых. На такой траурной ноте я закончил 2008 год.

В 2009 году я начал активную деятельность в МООВВИК. Были организованы мероприятия, посвященные 50-летию Кубинской Революции, Дня Победы в ВОВ и других дат.

В феврале при посещении врачей в 12 поликлинике для получения путевки в санаторий, я пожаловался хирургу на боли в тазобедренном суставе слева и в коленях. После снятия рентгеновских снимков было обнаружено серьезное заболевание в левом тазобедренном суставе (коксартроз 3-4 степени), порекомендовали сделать операцию пока не поздно, иначе сустав разрушится полностью, и я могу остаться лежачим до конца жизни.

Дома, обсудив ситуацию, Алена с Юрой решили поискать возможность определить меня в какую-нибудь клинику. Через интернет Алена нашла клинику в Германии, но это стоит больших денег. Деньги нашлись, и вопрос был решен. Из Германии сообщили, что операция может быть проведена в июле 2009 года. Дети отправили меня в сопровождении Сашеньки. Она знает английский язык, что позволяло легко общаться с медперсоналом. Кроме того, у нее были летние каникулы.

В городе Касселе, недалеко от Франкфурта-на-Майне 7 июля была сделана операция. Через неделю я уже сам стоял на костылях, и мы с Сашей переехали в другой небольшой городок для реабилитации. Просто курорт и профилактика суставов. Я ходил на процедуры, мы гуляли, загорали и пили немецкое пиво. Спустя месяц с небольшим я вернулся в Москву на своих ногах. Мы с внучкой очень благодарны немецким врачам и медперсоналу за отличное обслуживание. Спасибо детям за заботу обо мне и за возможность полноценно жить. Остаток лета мы с Сашей провели на даче, отдыхая и собирая грибы. Я полностью восстановился и снова был «как новенький».

Вернувшись из Германии, получаю сообщение от Валентина Колесникова с предложением, поехать туристами вместе с Борисом и Димой на Кубу. Я не отказался. К моменту отъезда я ходил без костылей с одной палочкой. Эту поездку на 2 недели по просьбе Валентина организовал его сын Никита.

С 14 по 28 сентября 2009 года турпоездка на Кубу состоялась. Вспомнить молодые лейтенантские годы службы в 1962-64 годы. Самолетом через 13 часов прибыли в Гавану. Начались дни отдыха, сначала неделя в Гаване, экскурсионные поездки по Гаване, ближайшие к Гаване достопримечательности и в провинции Пинар-дель-Рио. Возил нас кубинец Марио, который в свое время учился в Москве, знает хорошо русский язык. Очень доброжелателен, прост в общении, замечательный мужик. Мне он очень понравился.

За эти дни посетили табачную фабрику по выпуску сигар, недавно выстроенную православную церковь с настоятелем, отцом Вячеславом, бывшим офицером Советской армии. Затем посетили музей Э. Хемингуэя, мемориал советским воинам и служащим (66 человек), погибших и умерших за период 1962-66 годы. Была интересная поездка в горный массив в 200 км от Гаваны в сторону Пинар-дель-Рио. Там построили пещеры с подземными

реками. Красоты неопишуемые, впечатления незабываемые.

Но самой прекрасной и долго ожидаемой была поездка в бухту Кебра-Ача, где в 1962 году размещался наш полк ФКР-1, и где в 1963 по май 1964 года была создана военная школа по обучению Кубинских Вооруженных Сил на советскую военную технику (полк ФКР, полк мотопехоты, полк морской береговой техники).

Территорию школы было трудно узнать. Года два назад школу закрыли, а помещения передали гражданским властям и поселили там кубинские семьи. В общем, получился поселок Кебра-Ача. Встретили нас кубинцы в поселке радостно, кто постарше вспомнили те времена, и было интересно общаться с кубинцами уже другого поколения. Молодые ребята хорошо к нам отнеслись, рассказали, как они здесь живут, ловят рыбу и возят ее на продажу в ближние городки. Расставались дружно. Память о поездке запомнится навсегда.

Следующую неделю прожили в Варадеро, отдыхали, купались, загорали. Это памятный отдых, красивый, красочный. Эта поездка надолго вернула меня в молодые лейтенантские годы службы на Украине и на Кубе. Очень памятное время.

Далее моя жизнь пошла своим чередом. Летом поездки на дачу, отдых, сбор грибов. Весной и осенью отдых в санаториях на берегу Черного моря в Сочи. Осенью встречи с ветеранами-кубинцами, мероприятия в рамках МООВВИК. Ближайшим предстоящим мероприятием для ветеранов «кубинцев» должно быть 50-летие военно-стратегической операции «Анадырь» и Карибского Кризиса.

В декабре 2011 года состоялось отчетно-выборное собрание МООВВИК. На нем был избран председатель (М. Макарук), секретарь (Г. Петров) и бюро в составе девяти человек. Одним из членов бюро стал я. У меня в группе 15 ветеранов.

27 февраля 2012 года в актовом зале Академии имени Петра Великого состоялась военно-историческая научная

конференция, посвященная 50-летию операции «Анадырь». Ветераны операции были награждены юбилейной медалью «50 лет операции «Анадырь».

28 января 2013 года в посольстве Республики Куба состоялись торжества, посвященные 160-летию со дня рождения национального героя Кубы Хосе Марти (28.01.1853 – 19.05.1895 гг.). Были приглашены ветераны «кубинцы», члены общества Российско-Кубинской Дружбы, космонавты Валентина Терешкова, Романенко, Савиных, маршал Д.Т. Язов и другие.

9 мая 2013 года в Парке Культуры им. Горького состоялась встреча воинов-интернационалистов «ангольцев», «эфиопцев», «вьетнамцев», кубинцев» и др. Многие ветераны пришли с внуками. Это очень важно, что и следующие поколения будут долго помнить подвиги своих отцов и дедов.